

ТОМ ХИЛЛЕНБРАНД

ОХОТА ЗА ТЕМНЫМ ЭЛИКСИРОМ

КНИЖНЫЙ
СЕМЕНОВОГО
ДОСУГА

Том Хилленбранд

**Охота за темным эликсиром.
Похитители кофе**

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»

2016

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

Хилленбранд Т.

Охота за темным эликсиром. Похитители кофе /
Т. Хилленбранд — Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

1683 г. Опытный торговец и спекулянт Овидайя Челон теряет на лондонской бирже все свои средства, но только не дух приключений. Он и еще четверо авантюристов отправляются в опаснейшее путешествие в Османскую империю. Их цель – привезти в Европу несколько ростков кофе, этого «черного золота». Отважная команда надеется разбогатеть, но они даже не представляют, что их ждет впереди и все ли вернутся?

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гер)

© Хилленбранд Т., 2016
© Книжный Клуб «Клуб Семейного
Досуга», 2016

Содержание

Часть I	6
Часть II	35
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Том Хилленбранд Охота за темным эликсиром. Похитители кофе

Tom Hillenbrand
Der Kaffeedieb

© Verlag Kiepenheuer & Witsch GmbH & Co. KG, Cologne/ Germany, 2016

© Shutterstock.com / Dmitrijs Bindemanis, обложка, 2016

© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2016

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление,
2016

* * *

Моей кофейной музе

Часть I

*Ты любишь шутки, и остроты, И сплетни – хлебом не корми.
Датчане, турки, иудеи... Твой интерес – весь мир. Я отвезу тебя туда,
где новостям уют, Узнай в кофейне обо всем – там никогда не лгут. И
нет такого в нашем мире, ни князя и ни мыши, О чем в кофейне нашей
мы сразу не слышали б.*

Томас Джордан. Новости из кофейни

Серебряный двухпенсовик, позвякивая, заплясал на стойке, пока Овидайя Челон не остановил его движением указательного пальца. Взяв в руки монету, он окинул взглядом хозяйку кофейни.

– Доброе утро, мисс Дженнингс.

– Доброе утро, мистер Челон, – ответила женщина. – Жутко холодно для сентябрьского утра, вы не находите?

– Что ж, мисс Дженнингс, я бы сказал, не холоднее, чем на прошлой неделе.

Она пожала плечами.

– Что будете?

Овидайя протянул ей монету:

– Большую чашку кофе, пожалуйста.

Мисс Дженнингс взяла монету и нахмурилась, поскольку это был один из старых кованных двухпенсовиков. Повертев серебряную монету, она, по всей видимости, пришла к выводу, что края стерлись не слишком сильно, и положила ее в кассу. На сдачу она вручила Овидайе бронзовую кофейную марку.

– Пенни не будет? – спросил он, прекрасно зная, каким будет ответ. С тех пор как люди стали плавить мелочь, чтобы продать содержащееся в ней серебро, она стала редкостью. Поэтому с недавних пор на сдачу давали только эти проклятые марки.

Мисс Дженнингс привычно изобразила на лице сожаление.

– Я уже несколько недель ни единого пенни не видала, – ответила она. – В этом королевстве они постепенно становятся большей редкостью, чем хорошая погода.

Насвистывая себе под нос мелодию уличной песенки про кузнеца, хозяйка кофейни направилась к камину и взяла один из высоких черных железных чайников, стоявших у огня. Вскоре после этого она вернулась обратно с плоской миской и протянула ее Овидайе.

– Благодарю. И скажите, не приходила ли для меня почта?

– Минутку, я посмотрю, – отозвалась мисс Дженнингс и направилась к открытому шкафу из темной древесины, в котором стояло несколько ящиков для писем. Пока она искала для него корреспонденцию, Овидайя сделал первый глоток кофе. Вернувшись, женщина вручила ему три письма и бандероль. Последнюю он поспешно спрятал в карман сюртука, взглянув на имя отправителя. Затем поставил чашку на стойку и принялся за письма. Первое было от Пьера Бейля из Роттердама, и, судя по объему, в конверте было либо очень длинное письмо, либо новейшее издание «*Nouvelles de la République des Lettres*»¹. Второе пришло от женева математика, третье – из Парижа. Он читает их позже, в спокойной обстановке.

– Спасибо вам, мисс Дженнингс. А вы не знаете, новое издание «Лондон гезетт» уже поступило?

– Лежит вон там, на последнем столике рядом с книжным шкафом, мистер Челон.

¹ «Новости республики ученых» (фр.). (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Овидайя пересек комнату. Шел лишь десятый час утра, и кофейня Манфреда была еще относительно пуста. За столом рядом с камином сидели двое одетых в черное мужчин без париков. По их кислым лицам и приглушенным голосам Овидайя решил, что перед ним отступники из числа протестантов. В другом конце зала, под одной из картин с изображением морского сражения при Кентиш-Нок², сидел молодой щеголь. Он был одет в коричнево-желтый бархатный сюртук, а на рукавах и чулках у него было больше ленточек, чем у версальской придворной дамы. Других посетителей в кофейне не было.

Овидайя отложил в сторону шляпу и трость, сел на пустую скамью и отпил кофе, листая «Гезетт». В Саутуарке, судя по всему, был крупный пожар; кроме того, в газете писали о возмущениях относительно одной книги, в которой описывались приключения куртизанки при королевском дворе и которую Карл II собирался запретить. Овидайя зевнул. Все это его совершенно не интересовало. Он вынул из кармана своего сюртука набитую глиняную трубку и направился к камину, где взял из маленького ведерка щепку и поднес к огню. Затем вернулся на свое место, дымя трубкой. И только он собрался взять в руки один из разложенных на столе памфлетов, призывавших вздернуть всех отступников и папистов или по крайней мере надолго засадить за решетку, как дверь открылась. В помещение вошел мужчина лет пятидесяти с обветренным лицом, сильно изуродованным оспой. У него были белоснежные бакенбарды, не слишком подходившие по цвету к темно-коричневому парика, на голове – шапка в голландском стиле.

Овидайя приветливо кивнул ему:

– Доброе утро, мистер Фелпс. У вас есть новости?

Джонатан Фелпс торговал тканями, у него были торговые связи в Лейдене и даже во Франции. Кроме того, у него был брат, работавший на секретаря адмиралтейства. Соответственно, Фелпс всегда лучше всех знал, что сейчас происходит как в Англии, так и на континенте. Торговец кивнул, сказал, что сначала купит кофе, а потом все расскажет. Вскоре он вернулся с чашкой кофе и тарелкой имбирного печенья и сел напротив Овидайи.

– О чем хотите послушать сначала – о кофейных сплетнях или о новостях с континента?

– Сначала сплетни, будьте так любезны. Для политики еще довольно рано.

– И чертовски холодно, клянусь черепом Кромвеля. Уверен, это самый холодный сентябрь за всю историю человечества.

– Что ж, сегодня утром не холоднее, чем на прошлой неделе, мистер Фелпс.

– Откуда вы знаете?

– Делаю измерения.

– Какие измерения?

– Вы знаете Томаса Томпайона, часовщика? С недавних пор он делает еще и термометры. С их помощью можно точно измерить температуру. Сегодня утром, к примеру, ровно в семь часов утра, столбик ртути находился на отметке «девять».

Овидайя вынул маленький блокнот и принялся листать его.

– Поэтому, как мне кажется, сегодня не холоднее, нежели неделю назад, четырнадцатого сентября, когда я измерял температуру в то же время и в том же месте.

– Вы со своими безумными экспериментами... Зачем вы это делаете? – поинтересовался Фелпс в перерыве между двумя имбирными печеньями.

– Хороший вопрос. Возможно, из общего естественно-философского интереса. Последнее, однако же, для того, чтобы ответить на ваш вопрос.

– А разве я о чем-то спрашивал?

² Морское сражение Первой англо-голландской войны, состоявшееся 28 сентября (8 октября) 1652 года между английским флотом и флотом Соединенных провинций в районе отмели Кентиш-Нок в 30 км к востоку от устья Темзы. (Примеч. ред.)

– По крайней мере косвенно, мистер Фелпс. Вы задались вопросом, не слишком ли холодно сегодня, 21 сентября 1683 года. Кстати, чтобы объективно ответить на ваш вопрос, нужно было бы располагать аналогичными данными за прошлые годы.

Фелпс склонил голову набок:

– Вы теперь остаток жизни собираетесь записывать каждый день, насколько сегодня тепло или холодно?

– И по вечерам тоже. Кроме того, я записываю погодные условия – дождь, ветер, туман. И я в этом не одинок. Вы знаете мистера Хука, секретаря Лондонского королевского общества?

– Слышал о нем. Не тот ли это джентльмен, из-за которого поднялся такой шум, когда он среди бела дня вырезал дельфина на одном из кофейных столиков в «Гресиан»?

– Вы путаете его с мистером Хэлли, дорогой друг. Хук скорее интересуется животными помельче – и мерзкой английской погодой. Поэтому он стал вдохновителем идеи, чтобы люди во всем королевстве ежедневно измеряли температуру и присылали ему результаты. На основании этих данных он хочет создать что-то вроде погодной карты. Говорят, через несколько лет благодаря этому можно будет даже ответить на вопрос, стало теплее или холоднее. Восхитительно, вы не находите?

– Для такого ученого, как вы, мистер Челон, возможно. Мне же при мысли об этом дурно становится. Если уж жители Лондона не смогут больше спорить о погоде, что же нам остается?

Овидайя улыбнулся и отпил еще глоток кофе.

– Кстати, вы хотели рассказать мне о своей добыче за сегодняшнее утро, мистер Фелпс.

Как и Овидайя, торговец тканями ежедневно обходил кофейни. Насколько он знал, с утра Фелпс заходил сначала в «Ллойд», чтобы получить там сообщения с судов и поговорить с некоторыми капитанами. Второй остановкой на его пути был «Гэрроуэй», где около восьми часов утра проходил утренний аукцион тканей из Спиталфилдса и Лейдена. Кроме того, здесь он узнавал последние новости о текстильных изделиях и других товарах. Затем Фелпс заходил на Шу-лейн, в «Мэнсфилд», наверное, в первую очередь ради имбирного печенья.

– Цены на древесину резко пошли вверх. Из-за голландцев.

– Потому что они строят так много кораблей?

– В том числе. Но в первую очередь из-за того, что люди опасаются: скоро дерева не будет хватать. Большую часть поставляют Франция и Генеральные штаты. Если между ними начнется война...

– Вы считаете это возможным?

– Сегодня утром я встретил гугенота, месье дю Кроа. Он тклет лен там, в Спиталфилдсе, и у него остались связи на родине. Судя по всему, христианнейший король, – произнося эти слова, Фелпс посмотрел Овидаю прямо в глаза, чтобы убедиться в том, что собеседник наверняка заметит сарказм, – поставит Испанским Нидерландам какие-то невыполнимые требования. Людовик XIV требует контрибуции для содержания своего большого войска, что-то вроде того. Многие полагают, что это лишь прелюдия к нападению Франции на Голландскую республику.

Фелпс задумчиво поглядел на Овидаю.

– Мистер Челон, вы позволите мне задать несколько бестактный вопрос: не инвестировали ли вы в дерево?

«Да, инвестировал, – подумал Овидайя. – А кроме того в соль, сахар, канадские бобровые шкуры, китайский фарфор и персидские ковры». Но всего этого не следует рассказывать такому человеку, как Фелпс. Поэтому он наконец произнес:

– Незначительно. Однако думаю, что вкладываться уже поздно. Если эта история уже курсирует у «Ллойда», через два часа ее будут знать все завсегдатаи кофейен Лондона.

Фелпс слегка наклонился вперед и прошептал:

– Я слышал и кое-что еще, совершенно жуткое. Ни за что не поверите.

Овидайя с любопытством поглядел на него:

– И что же? Кто-то видел короля с фавориткой из числа католиков?

Фелпс покачал головой:

– Нет, то было на прошлой неделе. Когда эта информация стала общеизвестной, он якобы расстался с ней и подыскал себе шлюху из протестантов. Я имел в виду кое-что другое. Вы знаете, где работает мой брат?

– Полагаю, все еще в конторе государственного секретаря Пипса.

– Да. И из адмиралтейства сообщили, что венецианцы пытаются вооружить флот. – Фелпс многозначительно поглядел на собеседника. – Большой флот.

– Не хотите ли вы сказать...

– Именно. Многое свидетельствует о том, что они хотят отвоевать Кандию.

– Это кажется мне маловероятным, – отозвался Овидайя.

Увидев обиду на лице Фелпса, он поспешно добавил:

– Я не сомневаюсь в истинности этой новости, но шансы на успех подобного мероприятия кажутся мне весьма незначительными.

– Это действительно стало бы самым великим рейдом венецианцев с тех пор, как они украли апостола. По крайней мере, момент сейчас просто идеальный, вам так не кажется? Ну, когда турки завязли в другом месте...

Пока Фелпс в подробностях расписывал потуги венецианцев создать боевой флот, чтобы отвоевать Крит, Овидайя вынул из кармана кофейную марку, полученную от хозяйки кофейни. Повертел ее между пальцами. На одной из сторон красовалась голова турка и надпись: «Меня называли Мурадом Великим». А на другой стороне: «Я побеждал всюду, куда бы ни пришел».

– Я согласен с вами, относительно шансов на успех венецианского похода можно спорить, однако прожженный спекулянт может заработать на этом, если поставит на то, что большинство левантийских товаров, вероятно, снова пойдут в Лондон через Ираклион и Амстердам.

– Конечно, вы правы, мистер Фелпс. Но время венецианцев прошло. Они сидят в своем городе на воде и мечтают о былом величии, в то время как турки год за годом отнимают у них все больше и больше владений. Единственное, что еще процветает в Венеции, – это бордели и балы.

Фелпс насмешливо улыбнулся:

– Если послушать, что творится во дворце Уайтхолл, так у венецианцев уже появилась серьезная конкуренция.

На замечание торговца Овидайя ответил едва заметным кивком. Возможно, Фелпс прав, но сравнивать короля и его двор с венецианским борделем – за такое можно поплатиться пребыванием в Тауэре или Ньюгейте. Возможно, благодаря связям Фелпсу удастся избежать наказания, но Овидайя Челон был католиком, а значит, с точки зрения английских судей, способен на любую подлость, до которой могут додуматься люди. На этот счет он не питал никаких иллюзий. Его собственный отец был благородных кровей, зажиточен, все в графстве его любили, но, когда у дверей их имения появились ищейки Кромвеля с факелами и пиками, все это перестало иметь значение. Главным было то, что Икабод Челон был католиком.

Поэтому Овидайя всегда был очень осторожен. Одна ошибка – и его немедленно вздернут в Тайберне. Поэтому он опасался говорить о подобных вещах, даже в полупустой кофейне.

Вместо этого он показал на монетку с изображением головы турка.

– Как бы там ни было. Возможно, султан Мехмед IV – не Мурад Кровавый, но у него самое лучшее и самое большое войско в мире. Эта ставка на попытку отвоевать Крит кажется мне слишком самонадеянной.

Он снова спрятал монету. «И, кроме того, я уже сделал ставку в другом пари, – подумал он. – В таком, исход которого предreshен, это уж как пить дать». Овидайя поднялся.

– Прошу меня извинить, мистер Фелпс. Меня ждут в «Джонатане». Как обычно, был рад поболтать с вами.

И они попрощались. Овидайя вышел на улицу, на Шу-лейн. Там действительно было холодно, что бы там ни показывал термометр Томпайона. Бледное солнце не смогло разогнать надвигавшийся с Темзы утренний туман, хотя было уже около десяти часов. Поднявшись по переулку до Флит-стрит, он повернул налево. Однако целью его была не «Кофейня Джонатана» на Эксчейндж-элли. Там его ждали только во второй половине дня. Вместо этого он направился к Малой Британии³. На миг задумался, не взять ли наемный экипаж, однако затем передумал. Пешком он быстрее доберется до цели, поскольку в это утро вторника в Лондоне, судя по всему, царило настоящее оживление. Сезон начался, и полчища поместных дворян и зажиточных горожан приезжали в это время в столицу, чтобы пожить там несколько недель, посещая театральные представления, балы и приемы и обновляя к Рождеству свой гардероб по последнему писку моды.

Перед одной из витрин Овидайя остановился, рассматривая свое отражение в стекле. Самому ему тоже не помешал бы новый гардероб. Полукафтан его не слишком заношен, но уже тесноват. Овидайя, недавно отпраздновавший свой тридцать второй день рождения, в последнее время несколько расплылся. Соответственно, в своем узком сюртуке он все больше напоминал хаггис⁴ на ножках. Бархатные бриджи потерялись, то же самое можно было сказать и о его туфлях. Взглянув на юношеское лицо, почти без морщин, с водянисто-голубыми глазами, он поправил строптивый парик. К счастью, скоро ему не придется довольствоваться этой одеждой.

Овидайя отвернулся, поднял воротник и побежал вверх, к воротам Ладгейт, мимо огромной строительной площадки будущего собора. Затем пошел дальше, в сторону госпиталя святого Варфоломея. Несмотря на то что двигался он от Темзы, влажный холодный воздух пробирал до костей. Большинство людей, шедших ему навстречу, казались довольными, шли, поднимая плечи и обхватив себя руками. Овидайя же, напротив, бежал легко, словно под ярким весенним солнцем. Сегодня хороший день. День, когда он станет богачом.

Он почувствовал запах еще до того, как вошел в Малую Британию, расположенную за городскими стенами. В этом квартале разместилось множество торговцев книгами и переплетчиков. Запах Лондона, этот ни с чем не сравнимый аромат гниющих отходов, холодного дыма и мочи, здесь дополняли некоторые другие нотки: пары клея и едкая вонь свежеевыделанной кожи. Не удостоив множество книг, выложенных перед магазинами, взглядом, Овидайя подбежал к дому в центре переулка. Над дверью на ветру раскачивалась досочка, на которой были нарисованы греческие буквы «альфа» и «омега» и чернильница. Под рисунком красовалась надпись: Бенджамин Оллпорт, мастер-печатник.

Он вошел внутрь. И тут же в нос ему ударил запах клея. Что ж, по крайней мере, здесь, внутри, не пахнет водосточной канавой. Типография Оллпорта состояла из одной большой комнаты. В дальней ее части стояли два печатных прессы. Это была одна из причин, по которой Овидайя выбрал именно эту типографию. Оллпорт использовал станки голландского производства – золотой стандарт для прессов. На таких же станках печатали все необходимое и крупные банковские дома континента. В передней части магазина, кроме покинутой

³ Район в центре Лондона, рядом с собором Святого Павла. (Примеч. ред.)

⁴ Хаггис – шотландское блюдо, бараний рубец, начиненный потрохами со специями.

сейчас конторки, стояли два больших низких стола, на которых лежали стопки желтоватой бумаги. Это были только что напечатанные трактаты. Овидайдя подошел к конторке, взял с нее маленький колокольчик и дважды позвонил.

– Минутку, пожалуйста! – раздался голос с галереи. В ожидании появления Бенджамина Оллпорта Овидайдя рассматривал свежие печатные изделия. Там был трактат под названием «Ужасный и поразительный шторм, обрушившийся на Маркфилд и Лестершир, во время которого на землю падали чрезвычайно удивительные градины, имевшие форму мечей, кинжалов и алебард». Кроме того, была здесь тетрадка под названием «Лондонская отставка, или Политическая проститутка, где речь пойдет обо всех приемах и военных хитростях, которыми пользуются эти страстные леди против мужчин, с приятными историями о номерах программы вышеуказанных леди». Судя по всему, это был памфлет, о котором он читал в «Гезетт» и который вызвал такой переполох при дворе. Обычно ему дела не было до подобной слащавой писанины, но сейчас он взял копию и принялся листать. Овидайдя как раз погрузился в строки с подробным описанием обещанных в заглавии номеров программы, когда услышал, что кто-то спускается по лестнице. Уши у него вспыхнули, он отложил трактат в сторону и поднял голову.

– Доброе утро, мастер Оллпорт.

– Доброе утро, мистер Челон. Как вам «Политическая проститутка»?

Оллпорт был человеком высоким, однако при встрече с ним заметить это можно было не сразу. От многолетней работы за прессом спина его согнулась и голова находилась на уровне плеч. Руки Оллпорта были черными, как у мавра, а голова, на которой он не носил парика, почти лысой.

Овидайдя почувствовал, что зарделся.

– Военных хитростей, заявленных в названии, я не нашел, только... номера программы.

Оллпорт захихикал.

– Наверное, в этом причина того, что он расходится лучше, чем тетрадки с песнопениями перед Рождеством. Если хотите, можете взять один экземпляр.

– Очень любезно с вашей стороны, мастер Оллпорт, однако...

– Я знаю, вы интересуетесь только натурфилософией и ситуацией на бирже.

– Мои издания готовы?

– Разумеется. Если вам будет угодно последовать за мной.

Оллпорт подвел его к деревянному ящику в дальней части мастерской и открыл крышку. Ящик был полон памфлетов. Печатник вынул один из них и протянул Овидайде. Он был напечатан на тонкой, почти прозрачной бумаге и состоял примерно из двадцати страниц. Овидайдя с гордостью прочел название: «Предложение по использованию векселей в Королевстве Английском, сходных с теми, какие используют голландские коммерсанты вместо драгоценных металлов, в качестве лекарства от нехватки денег и для стимулирования торговли, нижеуказанное Овидайей Челоном, эсквайром».

– Надеюсь, качеством вы довольны.

Овидайдя пролистал памфлет. Печать была безупречной, но его интересовало не это. Все его внимание было приковано к неподшитому листку, лежавшему внутри. В отличие от остальной части трактата, он был напечатан на бумаге ручной выделки кремового цвета. Кроме того, на нем были водяной знак и дорогое тиснение. Овидайдя отступил на несколько шагов к опорной балке, на которой висела масляная лампа, чтобы лучше рассмотреть плод трудов Оллпорта.

– Отлично. Я под впечатлением.

Оллпорт поклонился, насколько это было возможно с учетом его огромного горба.

– Вам нужен мальчик, который доставит памфлеты к вам домой?

– Нет, благодарю, я справлюсь сам. Но скажите, когда вы могли бы напечатать для меня еще сто штук?

Глаза печатника расширились.

– Трактатов, я имею в виду, не документов.

– А, я понял. К началу октября, если вам будет угодно.

– Отлично. Я заплачу вам вперед и буду благодарен, если ваш мальчик в этом случае доставит их.

– На ваш адрес?

– Нет, по двадцать штук в кофейни Джонатана, «Нандо», «Гресиан», «Суон» и «Уилл». – В конце концов, он хотел, чтобы о его предложении услышали. А новые идеи нигде не расходятся так быстро, как в кофейнях.

– Я позабочусь о том, чтобы их там разложили, – ответил Оллпорт.

– Сколько я вам должен?

– Памфлеты стоят по грошу. Включая те, что еще нужно напечатать, получается сто пятьдесят на четыре пенса, то есть пятьдесят шиллингов, если вам будет угодно, сэр. Предлагаемые особые изделия... всего восемь фунтов. То есть вместе десять гиней.

Услышав такую огромную сумму, Овидайя судорожно сглотнул. Когда он в последний раз заглядывал в кассу, наличности у него не набралось бы и на пятнадцать гиней. Но это было не важно, уже через несколько дней его инвестиции принесут в добрую сотню раз больше. Он вынул кошель и положил на конторку десять тяжелых золотых монет. Оллпорт быстро проверил их, затем сгреб своей черной рукой и сложил в кассу. Овидайя взвалил ящик с изданиями на плечи, попрощался и отправился к себе.

Его квартира располагалась на Уинфорд-стрит и была уже третьей за два года. Прежде он жил на Феттер-лейн, неподалеку от Лиденхолла. Внезапно он осознал, что все его переезды проходили тяжело. Точно так же, как в последние годы таяло его состояние, все более убогими становились его квартиры. Поднявшись по узкой лестнице на третий этаж, он запыхался. По его лбу градом катился пот. Овидайя со стоном поставил тяжелый ящик на пол и открыл дверь.

Единственным плюсом квартир в мансардах можно было считать наличие места. Комнату можно было бы даже назвать воздушной во всех смыслах этого слова. Здесь было не только много места для обширных коллекций редкостей, принадлежавших Овидайе, но и ветер гулял, как на Лондонском мосту. Это было плохо для здоровья, однако, с другой стороны, позволяло проводить натурфилософские эксперименты, не задыхаясь от ядовитых паров, иногда сопровождавших процесс.

Кроме незастеленной постели, здесь стоял небольшой секретер, полный корреспонденции, лежавшей неаккуратными стопками между чернильницами, перьями и кусочками воска для печатей. Справа стоял инкрустированный шкафчик, состоявший, казалось, из одних только ящичков. Изначально это был комод для столовых приборов, теперь из приоткрытых ящичков вываливались груды писем – плоды переписки с натурфилософами и учеными из Кембриджа, Амстердама, Болоньи или Лейпцига. Это была его библиотека – в нескольких ящиках, сложенных за кроватью, лежало еще вдвое больше трудов. На противоположной стороне комнаты стоял массивный стол с различными приборами. Были на нем всяческие колбы с порошками и секционный набор инструментов, толком не очищенный после последней вивисекции, кроме того, небольшая плавильная печь и различные штампы для тиснения монет всех образцов – испанских пистолей, нидерландских стюверов, английских крон.

За столом, у единственной не наклонной стены, стоял высокий шкаф, в котором Овидайя хранил свои сокровища: роскошное оригинальное издание «Большого атласа» Вильгельма Блау; телескоп, с помощью которого можно было разглядеть даже горы на Марсе;

различных заспиртованных крыс с причудливыми уродствами; поразительно точные швейцарские каминные часы, напротив циферблата которых в каждый полный час фигурки исполняли что-то вроде танца бондарей, и, конечно же, самый драгоценный экспонат: металлическая утка с настоящими перьями, которую можно было завести и пустить побегать, плод трудов великого французского конструктора де Жена. Если перевести нужный рычаг, металлическая птица была способна даже клевать ячменные зернышки из подставленной мисочки. И среди всего этого лежали чертежи, дюжины нарисованных графитом или углем эскизов, которые Овидайя создавал при всякой возможности. На них были изображены башни церквей, суда или уличные сценки, а также порядок проведения опытов, натюрморты или лица.

Втащив ящик Оллпорта в комнату, он закрыл за собой дверь. Для начала он освободил часть своего рабочего стола, вытер его тряпкой, а затем занялся памфлетами. Пролистал их, вынул вложенные цветные листы бумаги. Всего их было десять. Разложив на столе, он принялся рассматривать памфлеты под лупой. Оллпорт проделал отличную работу.

Из комода Овидайя вынул документ, обманчиво похожий на те десять, которые он принес из типографии. Единственное отличие состояло в том, что на этом документе имелся штамп, а в пустом поле по центру – число. Кроме того, в левом нижнем углу красовалась подпись, оставленная твердой рукой, которую Овидайя – и вчера вечером он уже попробовал сделать это – мог повторить безо всяких усилий. Две крохотных дырочки в верхнем левом углу выдавали тот факт, что документ уже обесценен. И тем не менее для Овидайи он был на вес золота.

Мужчина достал из кармана сюртука небольшую бандероль, которую забрал в кофейне Манфреда, сломал печать и разорвал бумагу. Из-под нее показался маленький заколоченный деревянный ящичек. С помощью ножа Овидайя отогнул гвозди и осторожно открыл ящичек. В нем, на подстилке из древесной стружки, лежала печать. Основание ее было металлическим, с изображением двойного круга, в котором была видна большая причудливая буква «В» с тремя маленькими крестиками под ней. Овидайя изучил цвет печати на оригинальном документе, а затем принялся рыться в своем секретере, пока не нашел подходящие чернила. Достал из ящика еще один чеканочный штемпель и перо, а затем принялся за работу.

* * *

Колокола церкви Святой Марии Вулнот как раз пробили двенадцатый час пополудни, когда Овидайя, крепко прижимая к груди свежие документы, свернул на улицу Эксчейндж-элли. Вообще-то нельзя было сказать, что это аллея или улица – это место с трудом можно было назвать даже переулком. Это было хитросплетение из шести или семи проходов, которыми можно было быстро попасть от Королевской биржи, расположенной на Корнхилл, к проходившей чуть южнее Ломбард-стрит. В этом весьма неуютном лабиринте домов с покосившимися от ветра крышами сначала поселились ломбардские ювелиры, позднее – биржевые торговцы. Овидайя знал здесь каждый закоулок и, спеша по Эксчейндж-элли, по пути здоровался со многими мужчинами. Когда навстречу ему попался один из посыльных, сновавших между кофейнями и биржей, он поднял руку и подозвал мальчика:

– Эй ты, иди сюда!

Парень, на вид лет тринадцати, поправил свой грязный и, наверное, завшивленный парик и в ожидании уставился на Овидайю.

– Пойди на биржу и узнай последние котировки на гвоздику. Я буду ждать в «Джонатане».

Овидайя протянул ему фартинг. Парень взял его и быстро спрятал в карман.

– Будет сделано, сэр, – ответил он и исчез в толпе.

Овидайя пошел дальше и наконец оказался у кофейни Джонатана. Когда он вошел в забитую до отказа комнату, в нос ему ударили ароматы табака, кофе и волнения. В то время как некоторые гости сидели за столами, читая «Меркюр Галант» или другие финансовые журналы, большая часть посетителей была на ногах. Они стояли небольшими группами вокруг биржевых торговцев с блокнотами и восковыми дощечками, пытаясь перекричать друг друга. Овидайя протиснулся мимо них к стойке.

– Большую чашку кофе, пожалуйста.

– Разумеется, мистер Челон, – ответил хозяин. – Сейчас принесу, только для начала открою новый бочонок.

Овидайя наблюдал за тем, как хозяин взгромоздил на стойку небольшой бочонок, пробил его и налил холодный кофе в несколько чайников. Затем Овидайя выудил из кармана сюртука кофейную монету с изображением султана Мурада и протянул трактирщику. Тот моргнул, а затем покачал головой:

– Сожалею, сэр. Эти мы не принимаем.

Вместо той монеты он протянул хозяину кофейни двухпенсовик, на сдачу получил еще одну бронзовую монету, опять же с изображением турка. Этот, впрочем, был не настолько мрачен, как Мурад Кровавый. Надпись сообщала, что это Сулейман Великолепный. Дожидаюсь, пока нагреется кофе, он заметил, что кофейня порядком опустела. Человек, с которым он собирался поговорить, еще не пришел. Овидайя прошел к одному из столиков, сел на скамью напротив двух мужчин, просмотрел несколько писем, уже не первый день лежавших у него в карманах, а затем принялся рассматривать мужчин. Их дорогие, однако уже вышедшие из моды сюртуки и слишком вычурные для выхода в кофейню парики выдавали в них поместных дворян, приехавших на сезон в Лондон. Перед ними на столе лежали различные векселя и сертификаты. Вероятно, они пытались спекулировать чем-то. Овидайя пролистал «Гезетт», пробежал глазами одну из статей о хлебных восстаниях в Париже, дожидаясь, пока придет его мальчишка-посыльный.

– ...Говорят, погода на юге еще хуже, чем здесь. Вероятно, туркам придется прервать осаду, пока не замело перевалы.

– Вы действительно полагаете, что Кара Мустафа просто отступит и предстанет перед константинопольским владыкой с пустыми руками? Нет, вот что я вам скажу: городу конец. Говорят, там уже всю бушует холера.

– Вы забываете, сэр, что деблокирующие войска все еще могут спасти императора. – Мужчина понизил голос. – У меня хорошие связи в Версале, и мне передали, что король Людовик собирает армию.

– Но зачем именно французам помогать Габсбургам? – спросил другой.

– Потому что речь идет ни много ни мало о существовании христианского мира. Нельзя называть себя христианнейшим королем и спокойно наблюдать за тем, как эти дьяволы еретики сметают все на своем пути.

Овидайя еле сдержался, чтобы не фыркнуть. Скорее ад замерзнет, чем Людовик XIV бросится на помощь императору. Как сообщили ему его многочисленные корреспонденты, с недавних пор даже папский легат униженно дожидался приема, чтобы убедить католика Людовика в том, что он должен поспешить на помощь своему австрийскому собрату по вере и спасти от турок. «Король-солнце» даже не принял легата.

Гораздо вероятнее, что французы воспользуются войной османов против Габсбургов, чтобы спокойно напасть на Испанские Нидерланды или Голландскую республику. В последнее время Овидайя вел оживленную переписку с несколькими натурфилософами из Германии, Польши и Италии. У многих из них были хорошие связи при дворах соответствующих стран. И все говорили об одном: ни у кого нет желания посылать деблокирующие войска на Дунай на пороге зимы. От немецких протестантских князей этого все равно было ждать

нечего, а польский король, как известно, обязан своей короной Людовику XIV, который во время выборов Яна Собеского подкупил польский парламент. Короче говоря, все, что он слышал из *«République des Lettres»*, указывало на то, что помогать императору Леопольду I никто не будет.

Несмотря на это, многие англичане верили в то, что континент каким-то образом будет спасен от турок в последнюю минуту. Не то чтобы для этого были основания – просто потому, что не может быть того, чего быть не должно. А вот Овидайя был реалистом. Один из его константинопольских корреспондентов даже видел османскую орду – турецкий Великий визирь, Кара Мустафа, гордо продемонстрировал ее иностранцам и дипломатам перед выступлением. По слухам, в войске было более ста пятидесяти тысяч человек. Никто и ничто не сможет остановить эту мощную военную машину, даже император Священной Римской империи германской нации. Империя падет. И Овидайя заработает на этом очень много денег.

В кофейню вошел мальчик-посыльный. Овидайя поднял руку.

– Цена на один фунт гвоздики в настоящее время составляет восемь фунтов, три шиллинга и шесть пенсов, сэр.

– Когда поступили последние котировки?

– Час назад, сэр.

Овидайя вручил мальчишке еще один фартинг. Вскоре после того, как трактирщик наконец принес ему кофе, к его столику направился мужчина. Именно с этим человеком он и договаривался о встрече: Брайант, биржевой торговец, специализирующийся на торговле специями.

– Добрый день, мистер Челон. Чем я могу быть вам сегодня полезен? Хотите снова инвестировать в тростниковый сахар?

Произнося эти слова, Брайант, внешне напоминавший бочонок в перекошенном парике с длинными локонами цвета воронова крыла, пытался выглядеть незаинтересованным. Овидайя слышал подвох в его словах. Идея использовать традиционно привлекательные в летние месяцы цены на сахар из Бразилии для довольно рискованного предприятия была одной из его худших и отчасти послужила причиной того, что ему пришлось переехать в комнатушку за городскими стенами. «Скоро, – подумал он, – ты распростишься со своей надменной улыбочкой, Джеймс Брайант».

– Нет, благодарю вас, мистер Брайант. Я хотел поговорить с вами насчет другого. Речь идет о гвоздике.

– Вот как? Вы что-то выставляете на продажу? В таком случае я заинтересован. Предложение нынче очень скудное.

– Я знаю. Уделите мне десять минут вашего времени. – И он взглянул в глаза торговцу. – Однако давайте подыщем для начала местечко поукромнее.

Брайант поднял кустистые брови.

– О, ну что ж! Пойдемте вон туда, за пустой столик.

– Согласен. Будете пить что-нибудь? Чашку кофе, например?

– Предпочту шоколад. С двумя яичными желтками и портвейном, пожалуйста. Врач говорит, это очень полезно при подагре.

Пока Брайант занял для них столик, Овидайя принес еще кофе для себя и шоколад для биржевого торговца. Затем они сели друг напротив друга.

– Значит, гвоздики по-прежнему немного.

Брайант кивнул:

– Склад в Амстердаме практически пуст. А суда Объединенной Ост-Индской компании привезут новый товар только летом, а то и позже.

– Из этого, мистер Брайант, можно заключить, что опционы⁵ на покупку гвоздики станут еще дороже, верно?

– Все так. Позавчера я продал парочку, фунт по тринадцать и семь. Три месяца тому назад вы не получили бы и половины.

– Однако я хотел бы приобрести несколько таких опционов. Нет ли у вас на примете человека, который хотел бы от них избавиться?

– У меня всегда есть кто-то на примете, однако...

– Однако что?

– Зачем вам это нужно? На этом можно сильно обжечься. Вспомните хотя бы неудачу с тростниковым сахаром.

Овидайя откинулся на спинку стула.

– А я и не знал, что вы так печетесь о благе своих клиентов. Комиссия-то ваша никуда не девается, и не важно, принесут мне опционы деньги или нет.

– Я просто хотел указать вам на тот факт, что некоторые придерживаются мнения, будто курс опционов на гвоздику больше не будет повышаться. Как бы там ни было, он и так уже вырос в два раза.

– Что ж, а я полагаю, что он поднимется еще выше. Поэтому я хотел бы приобрести значительное количество.

– О какой сумме идет речь?

– Пять тысяч гульденов.

– Господь всемогущий! Вы знаете что-то, чего не знаю я?

– Разве я стал бы покупать бумаги по завышенной цене в таком количестве? – вопросом на вопрос ответил Овидайя.

– Пожалуй, нет, для этого вы слишком про... я хотел сказать, подкованы в таких вещах. Вы не хотите поделиться со мной своим знанием?

– Мистер Брайант, вы оскорбляете меня.

– Простите. Но попробовать стоило.

– Конечно же, я сообщу вам, почему цена на гвоздику будет продолжать расти. Однако, разумеется, только после того, как вы найдете для меня продавца и все будет устроено.

– Чтобы я рассказал о вашем слухе, поднял цену и вскоре после этого вся Эксчейндж-элли погрузилась в гвоздичную лихорадку?

Овидайя улыбнулся.

– Если бы это случилось, сделка наверняка была бы хороша. Для меня, разумеется. Однако то же самое справедливо и для всех биржевых торговцев, которые получают свою комиссию практически от каждой транзакции с гвоздикой.

– Думаю, мы почти договорились, мистер Челон. Мне кажется, я уже знаю, кто мог бы вам продать. Остается одно: как вы собираетесь платить? Звонкой монетой? Я не вижу сундука с серебром, а с учетом названной суммы он мне понадобится – и немалый.

– У меня есть векселя на необходимую сумму.

Брайант наморщил лоб:

– Из Сиены или Генуи?

Вместо ответа Овидайя достал одну из своих проштампованных и подписанных бумаг и сунул под нос торговцу.

– Секьюритизация Амстердамского банка! Как она к вам попала?

⁵ Контракты на право покупки или продажи товара, ценных бумаг и т. п. в течение определенного времени по установленной цене. (Примеч. ред.)

– От одного делового партнера из Делфта. Как видите, здесь указана сумма пятьсот гульденов. У меня таких десять. Это все равно что золотые кроны. Даже лучше, поскольку их края нельзя спилить напильником.

Несколько часов спустя Джеймс Брайант и Овидайка Челон сидели у мистера Фипса, нотариуса в одном из переулков Темпл-стрит, и ждали продавца опционов.

– Можете уже сказать мне, о ком идет речь, мистер Брайант.

– Его зовут Себастьян Дойл. Учитель фехтования.

– И откуда у обыкновенного учителя фехтования опционы на гвоздику на сумму пять тысяч гульденов? – поинтересовался Овидайка.

– Он не какой-то там рубака, а личный учитель герцога Монмута. Входит в его окружение. Я имею честь быть его консультантом по финансовым вопросам.

Пока они сидели в довольно затхлом помещении и беседовали о том о сем, Овидайка заметил, что его голос слегка дрожит. Он пытался дышать ровно, сдерживать дрожь в руках. Причина его нервозности заключалась наряду с тем обстоятельством, что он намеревался провернуть величайшую сделку всей своей жизни, в нотариусе, сидевшем по другую сторону массивного стола. Вооружившись огромной лупой, мистер Фипс изучал поддельные документы из Амстердамского банка. Овидайка видел его причудливо увеличенный покрасневший глаз, то, как его взгляд перебегал от одной бумаги к другой. Адвокат открыл толстую книгу, в которой содержались факсимиле векселей, бывших в ходу, – выраженные в ливрах указания французской Кредитной кассы, банкноты Монте дей Паски ди Сиена, документально гарантированные пиастры Султаната, векселя Оппенгеймера из Вены, а еще бумаги Амстердамского банка. Овидайка никогда прежде не видел этой книги и решил как можно скорее приобрести себе экземпляр. Этот труд в значительной степени облегчит его работу.

Брайант рассказывал ему какие-то сплетни о герцоге Монмуте, внебрачном сыне короля Карла II. Овидайка слушал вполуха, украдкой наблюдая, как нотариус тщательно проверяет векселя один за другим, переворачивает каждый, чтобы удостовериться, что ни один из них не стал недействительным вследствие индоссамента⁶. Затем еще раз пересчитал бумаги и сложил стопочкой перед собой. Едва он закончил, как тяжелая дверь открылась и в комнату вошел помощник. В одной руке он держал визитную карточку. Поклонившись, он протянул ее нотариусу и произнес:

– Вас ожидает некий мистер Дойл, сэр.

– Пусть входит, пусть входит, – воскликнул Фипс.

Слуга скрылся из виду, а мистер Фипс потер руки. Вероятно, он подсчитывал, какая ему выйдет комиссия при сделке на пять тысяч гульденов, затем поднялся и направился к двери, чтобы встретить клиента.

Овидайка почувствовал запах Себастьяна Дойла еще до того, как увидел его обладателя, – облако аромата лаванды опережало его. Деловой партнер Овидайки оказался из числа тех людей, которым вслед на улице с удовольствием кричали: «Французский пес!» На нем был очень длинный сюртук из синего бархата, украшенный дюжиной золотых пуговиц, абсолютно бесполезных, поскольку, конечно же, Дойл никогда его не застегивал. Чего доброго, тогда не было бы видно такого же синего камзола с вышитыми на нем сценами охоты. Из рукавов его были видны двойные рукава, кружев на которых было больше, чем в сундуке с приданым у обыкновенной англичанки. Дополняли гардероб Дойла чулки, туфли на высоком каблуке и муфта из меха канадского бобра, болтавшаяся у него на поясе чуть ниже бедер. Шляпу он снял – не из вежливости, как предположил Овидайка, а чтобы не примять искусно

⁶ Передаточная надпись на векселях, чеках и других ценных бумагах с целью передачи прав требования по этим документам или обеспечения каких-либо иных требований. (Примеч. ред.)

уложенные локоны своего парика. Вероятнее всего, этот щеголь носил ее в руке с тех самых пор, как сегодня утром вышел из дома.

– Мистер Дойл, добро пожаловать в мою скромную контору. Меня зовут Иеремия Фипс, нотариус милостью его величества. Мистера Брайанта вы уже знаете. А это мистер Челон, ученый и натурфилософ.

Овидайя слегка поклонился и произнес:

– Рад знакомству с вами, сэр.

– Я также очень рад, мистер Челон.

Дойл присел на свободный стул и произнес, обращаясь к Брайанту:

– Надеюсь, эта транзакция не займет слишком много времени. В шесть часов меня ждут в «Мэне».

«Где же еще», – подумал Овидайя. В кофейне «Мэн» неподалеку от Чаринг-кросс собирались франты и щеголи. Тон голоса и выражение лица Дойла должны были сообщить присутствующим, что назначенная там встреча – это дело государственной важности. Овидайя был практически уверен в том, что речь идет скорее об игре в кости и нюхательном табаке.

– Мы все подготовили, так что зайдем совсем немного вашего драгоценного времени, – с улыбкой произнес Фипс.

– С вашего позволения, господа, я еще раз поясню суть сделки. После этого я попрошу вас обоих дать устное согласие и поставить подпись. Мы с мистером Брайантом позднее пришлем вам счет с учетом всех гонораров. Вы согласны, господа?

Дойл поставил два пальца правой руки, одетой в вышитую серебряными нитями перчатку из замшевой кожи, под напудренный подбородок. Другой рукой махнул нотариусу, велел продолжать.

Мистер Фипс занял место за своим столом, надел на нос пенсне и принялся зачитывать скрепленный печатью документ.

– Присутствующие здесь джентльмены, Овидайя Челон, эсквайр, – впоследствии именуемый «Покупатель», а также Себастьян Дойл, эсквайр, – впоследствии именуемый «Продавец», – договорились о совершении следующей транзакции: Продавец передает Покупателю опционы на покупку 54 фунтов амбонской гвоздики со сроком платежа...

Пока Фипс зачитывал текст договора, Овидайя размышлял, сколько могут стоить его опционы через несколько дней. Ставил он на пятикратное, быть может, даже шестикратное увеличение стоимости. Возможно, цена вырастет еще сильнее. Никогда не знаешь, что будет с биржей, если там начнется ажиотаж или поднимется паника. Благодаря этой сделке он получит несколько сотен процентов дохода. Нет, это не совсем так. В конце концов, пять тысяч гульденов он создал из ничего, а значит, прибыль будет еще выше. Ему пришлось взять себя в руки, чтобы плотоядно не улыбнуться, когда Фипс прочел:

– ...Покупатель выплачивает текущую стоимость в векселях Амстердамского банка.

Дойл поднял выщипанные брови:

– Говорите, в векселях? А это надежно?

– Надежнее не бывает. Мистер Брайант?

– Позвольте мне вам объяснить. Бумаги, которыми обладает мистер Челон, выданы банком Амстердама, самым богатым и надежным банком мира. Выписаны они на счет Яна Якобссона Гуса, председателя Объединенной Ост-Индской компании.

– Кто такой председатель?

– Один из руководителей и торговцев Ост-Индской компании, сэр. Кроме того, он акционер.

На лице Дойла все еще читалось недоверие.

– Чем обеспечен этот вексель и где его можно обналичить? – спросил он.

– Золотом. Вы можете обменять его на наличные в любое время в Амстердаме, Делфте, Роттердаме или Гамбурге, однако в этом нет нужды. Любой делец в Лондоне с удовольствием примет его у вас, поскольку вложить деньги надежнее, чем в Амстердамский банк, просто невозможно.

– Хорошо. Где я должен поставить подпись?

Мистер Фипс поднялся, обошел стол и поставил перед учителем фехтования чернильницу и перо. Тому потребовалось несколько секунд, чтобы снять свои элегантные надушенные перчатки, и только после этого он поставил подпись. Овидайя тоже оставил свой витиеватый росчерк под нотариальным документом. Фипс еще раз пересчитал векселя и передал их Дойлу, который тут же отдал их Брайанту.

– Отнесите их для меня в Уайтхолл. Во время сезона я квартирую там. Передайте моему слуге, но в запечатанном виде.

– Для меня будет честью выполнить это поручение, сэр.

– Хорошо. Прошу, вручите этому джентльмену опционы. Господа, прошу меня извинить. Долг зовет.

Когда Дойл произносил эти слова, выражение его лица было таким, словно он намеревался немедленно выступить в поход и в одиночку одолеть ирландцев. Затем он спустился по лестнице. Овидайя получил у Брайанта опционы. Мужчины попрощались с Фипсом и вместе вышли из дома. Оказавшись на улице, Брайант сказал:

– Вы позволите пригласить вас выпить чашечку чего-нибудь? Мне кажется, нам есть что обсудить.

– С удовольствием, мистер Брайант, но за мой счет. Пойдем в «Нандо»? Кажется, это ближайшая кофейня.

Брайант согласился, поэтому они пошли по Миддл-Темпл-лейн к Флит-стрит, а там свернули направо. В «Нандо», как и везде в начале вечера, было полно темплеров, возвращавшихся со своих встреч в судах; они собирались здесь, чтобы поболтать с коллегами, изучить новейшие вердикты и приговоры, прибитые к стенам кофейни. Овидайя и Брайант взяли по чашке кофе и сели на одну из немногих свободных лавок.

– Ну что? Каковы ощущения от пакета опционов, лежащих в вашем кармане?

– Легко как перышко, мистер Брайант.

– Выкладывайте уже. В чем заключается ваш план?

– Позвольте, я начну сначала. Как вы думаете, почему так сильно взлетели цены на гвоздику?

Брайант пожал плечами:

– Потому что спрос превышает предложение, полагаю. Честно говоря, меня интересует не причина, а последствия. Их я каждый день вижу на меловых досках в Эксчейндж-элли, а кроме того, в еженедельных депешах из Голландии, в которых приводятся списки движения курса.

– Я заинтересовался причинами повышения цены и занимаюсь этим вопросом уже не первый месяц. Как вам, вероятно, известно, у меня есть много корреспондентов.

– Да. У меня такое ощущение, что вы ведете переписку с целым миром.

– Тут вы, пожалуй, слегка преувеличиваете, но в «*Nouvelles de la République des Lettres*» можно прочесть вещи, кажущиеся поначалу весьма незначительными. Наряду с натурфилософскими рассуждениями в письмах моих корреспондентов содержится поразительно много сплетен, чтоб вы знали. А от своих знакомых в Гааге я узнал, почему в этом году на рынке так мало гвоздики.

– И почему же?

– Потому что часть флота Ост-Индской компании утонула на обратном пути из Батавии неподалеку от Маврикия.

– Что ж, так иногда бывает – или я неправ?

– Конечно, и, учитывая количество их судов, голландцы это переживут. Что поделаешь, в сезон муссонов в Индийском океане бывают очень сильные штормы. Говорят, компания подумывает пустить свои суда по другому маршруту, чтобы в дальнейшем минимизировать потери.

Брайант отпил из чашки.

– Но это кораблекрушение уже в прошлом. Думаете, новый флот тоже затонет?

– Это возможно.

Биржевой торговец покачал головой:

– Вы всерьез собираетесь ставить на то, что молния дважды ударит в одну и ту же церковь? Ставите на погоду?

– Драгоценный мистер Брайант, вы меня неверно поняли. Конечно же, следующая поставка гвоздики тоже может отправиться к Дэйви Джонсу⁷ из-за штормов. Тогда мои гвоздичные опционы еще больше вырастут в цене. Но это, если хотите, лишь фоновая музыка. Не стану вас больше мучить. Я выяснил, что стоящие упоминания резервы гвоздики есть только у двух торговых домов. Один – это «Франс» в Амстердаме. На их запасы на складе и выписаны опционы Дойла, которые теперь принадлежат мне.

– А остальные?

– Остальная гвоздика пошла не через Голландию, а через одного венецианского торговца, который снабжает Италию и империю. Этот торговец заложил очень большие запасы, полагаю, с целью спекуляций. По моим оценкам, в его руках сейчас находится две трети текущего запаса гвоздики, примерно шесть тысяч пятьсот фунтов.

– И я должен рассказать это в Эксчейндж-элли? Я бы предположил, что цены скорее упадут, нежели вырастут.

– Вы не спросили меня, где находится склад этого торговца.

– В Лондоне? Лиссабоне? Марселе?

– Нет, в Вене.

Брайант рассмеялся. Он смеялся настолько громко, что присутствующие юристы тут же повернули к нему головы, хмурия лбы от такого вопиющего нарушения правил кофейни. Но торговец акциями все никак не успокаивался, продолжая фыркать.

– Резервы гвоздики всего континента находятся в городе, который турки через несколько дней сравняют с землей? Великолепно.

Брайант посерьезнел.

– Конечно же, чисто с финансовой точки зрения. Неужели вы уверены, что Вена падет?

– А вы в этом сомневаетесь? – спросил Овидайя.

Биржевой торговец покачал головой:

– Нет. Никто не поможет Габсбургам. Зима на пороге.

– Еще достаточно рано, – произнес Овидайя, – но, возможно, было бы уместно выпить шерри? За хорошие сделки.

Брайант согласился. Челон прошел к стойке и заказал два бокала. Его последний шиллинг превратился в маленькую армию Сулейманов, но теперь это было уже не важно. Он впал в эйфорию. Скоро он переедет на самую лучшую улицу Лондона, Чипсайд, приоденется и приобретет другие диковинки для своей коллекции, от которых другие ученые Лондона побледнеют от зависти.

Когда он уже собирался вернуться к столу с двумя бокалами в руках, в кофейню ворвался молодой человек. Он был весь в поту, локоны его парика прилипли к вискам. Все присутствующие умолкли и уставились на вновь прибывшего. На миг стало так тихо, что

⁷ То есть на дно моря.

слышно было лишь поскрипывание деревянных скамей, на которых сидело множество мужчин, пытавшихся сохранить спокойствие. Затем пожилой адвокат поднялся, кивнул мужчине и крикнул:

– Сэр, ваш преданный слуга. Какую новость вы принесли?

Молодой человек вытер платком пот с лица и поглядел на застывшую в ожидании толпу:

– Случилось чудо! Одиннадцатое сентября – день, который будут праздновать еще много веков спустя!

Адвокат слегка склонил голову набок:

– Если речь идет об очередной мнимой беременности королевы Екатерины, то...

Мужчина покачал головой:

– Ни в коем случае, сэр. Я только что из «Гэрроуэй», где об этом возвестил один португальский торговец: девять дней тому назад, вечером одиннадцатого сентября, польский король Ян Собеский появился у стен Вены с войском, численность которого превышала сотню тысяч человек, и разбил турок наголову. Город спасен!

Поднялось ликование, все вскочили с мест. Обнимались судьи и адвокаты. Вокруг посыльного образовалась толпа, всем хотелось похлопать молодого человека по плечу, поблагодарить его за добрые вести. И только Овидайя все еще стоял у стойки, словно парализованный, не сводя взгляда с лежавших перед ним кофейных марок с профилями турок.

* * *

Амстердам, два года спустя

Он проснулся, когда кто-то начал возиться с дверью тюремной камеры. Первым ощущением была боль. Застонав, Овидайя поднялся на локтях. Весь его торс, прикрытый лишь изношенной рубашкой, был покрыт красными полосами, распухшими за ночь. Он никогда не думал, что березовые прутья могут причинять такую боль. Они обрабатывали его ими целую вечность, по крайней мере ему так показалось. Он был привязан к бочонку с селедкой, не способный шевельнуться, – а по спине и ногам гуляли ветки. Тем не менее он снова отказался играть по правилам *tuchthuis*, каторжной тюрьмы. Это продолжалось не один день, и побои были лишь последними в долгой череде телесных наказаний.

Он поглядел на тяжелую, обитую железом дверь. Когда она запахнулась, он увидел лицо Рууда, стражника, отвечавшего за эту секцию исправительного учреждения. Тощий как жердь мужчина был совершенно лысым, хотя ему было не более двадцати пяти лет. Овидайя полагал, что виной всему французская болезнь. Это могло бы объяснить и то, почему Рууд так глуп. Стражник нагло улыбнулся:

– А, мой английский пупсик! Ну что, готов наконец работать?

Овидайя закашлялся. В *tuchthuis* неподалеку от Конигсплейн⁸ было влажно и гуляли сквозняки, здешний климат был тяжким испытанием даже для лондонца. Наверное, его раньше унесет воспаление легких, чем прикончат наказания.

– Я не отказываюсь от работы, соответствующей моим способностям. Но я не стану резать бразильское дерево.

Девизом *tuchthuis* было намерение вернуть заблудших преступников и бродяг на стезю добродетели словом Божиим и физическим трудом. На самом же деле никому не было дела до спасения чьей-то души. Вместо этого они занимались тем, что пытались переработать твердое бразильское дерево в тот драгоценный красный порошок, который так ценили красильщики Лейдена. Поэтому жители Амстердама называли *tuchthuis rasphuis*, то есть пило-

⁸ Конигсплейн – площадь в центре Амстердама.

рамой. Работа была очень тяжелой, изматывающей. Она не прививала жителям дома благочестия, скорее способствовала быстрой смерти. Он умрет здесь, это весьма вероятно. А как человек, который за всю свою жизнь и часа не занимался тяжелым физическим трудом, Овидайя Челон знал, что измельчение дерева убьет его быстрее, чем все остальное, что с ним могут сделать.

Стоило ему произнести эти слова, как стражник ударил его рукой по лицу не ладонью, а тыльной стороной, так что костяшки пальцев больно впились в щеку Овидайи.

– Ленивый подонок! Все вы, паписты, одинаковы!

Затем Рууд поднял его и вытолкнул за дверь. Они пошли по длинному каменному коридору, а вскоре после этого оказались во дворе. Каторжная тюрьма представляла собой большое прямоугольное здание, состоявшее из четырех секций, окружавших внутренний двор. Там на утреннем холоде стояло около сотни мужчин: жалкие фигуры в мешковине и потрепанной шерсти. Они стояли в четыре ряда, поеживаясь, еще не до конца проснувшись, а по краям стояли два стражника с кнутами. Пока заключенные, дрожа, переступали с ноги на ногу, Пит Вагенаар читал им катехизис:

– И вздохнули израильтяне под тяжким трудом, и вскричали так громко, что их зов об освобождении от тяжелой работы достиг Бога.

Вагенаар был *ziekentrooster*, то есть священником при каторжной тюрьме. Ходили слухи, что с теми заключенными, кто помоложе и посимпатичнее, он разбирал не только стихи из Библии и псалмы. К счастью, до сих пор Овидайя был избавлен от его авансов. Он хотел пойти к остальным и встать в ряд вместе со всеми, однако стражник ударил его плетью по спине:

– А ты нет, пупсик. Туда.

На Овидайю напал страх, поскольку стражник показал ему в сторону той секции, где проводились наказания, но они повернули направо, в ту часть здания, где находились комнаты Ольферта ван Домселаера, начальника тюрьмы. На лбу у Овидайи выступили капельки пота. Что понадобилось от него ван Домселаеру? Он решил рискнуть и задать вопрос стражнику:

– Вы ведете меня к начальнику?

И по спине тут же снова прошелся кнут.

– Рот закрой.

Рууд любил возражать окружающим и давать им прочувствовать, когда они не правы. Возможно, таким образом он мог почувствовать свое превосходство. Поэтому Овидайя предположил, что стражник ответил бы «нет», если бы они не шли к начальнику. Так что информация стоила очередной порции порки. Теперь он понял, что они действительно направляются в кабинет Домселаера. Мысленно Овидайя проигрывал все возможности. Может быть, с ним хотят разделиться? Или отдать агентам английской короны? Или, быть может, это возможность, на которую он так давно надеялся: доказать начальнику тюрьмы, что он обладает талантами, которые могут пойти на пользу *tuchthuis*?

Они шли по белому коридору с высокими окнами из свинцового стекла⁹, устланному грубыми коврами. Перед дверью из темного дерева они остановились, и Рууд постучал.

– Входите! – послышался низкий голос.

Стражник отпер дверь, втолкнул Овидайю в комнату, поклонился пожилому мужчине, сидевшему в кресле у весело потрескивающего камина, и вышел. Не считая камина и удобного кресла, в комнате было не так много удобств. Это был кабинет, не предназначенный для того, чтобы отдыхать, – скорее он должен был производить впечатление на гостей. Над каминными нишами красовалась роскошная мраморная работа. Она изображала женщину,

⁹ Свинцовое стекло (хрусталь, флинтглас, флинт) получается заменой окиси кальция окисью свинца. (Примеч. ред.)

которая, судя по всему, должна была символизировать Амстердам. В руках она держала устрашающую дубинку с заклепками, справа и слева от нее в цепях корчились мужчины. И подо всем этим надпись: «*Virtutis est domare quae cuncti pavent*».

Мужчина в кресле увидел, что Овидайя смотрит на надпись, и произнес:

– «Это добродетель – подчинить тех...

– ...перед кем все живут в страхе», – закончил вместо него Овидайя.

Начальнику было лет сорок. На нем были черные бриджи и черный полукафтан, под которым виднелась белая рубашка с кружевом, и шапка с собольиной опушкой. В правой руке он держал книгу в кожаном переплете и рассматривал гостя.

– Я и забыл, что вы владеете латынью.

– Латынью, сеньор, а также несколькими другими языками.

Домселаер проигнорировал его замечание и жестом велел Овидае присесть на табурет, стоявший в центре комнаты.

– Значит, вы знаете наш девиз. Но, кажется, не понимаете его. Сколько вы находитесь здесь, Овидайя Челон?

– Восемь с половиной недель.

– Я слышал, вы довольно усердно посещаете молебны тюремного священника, несмотря на свое папское лжеучение. Вас не отталкивает будничность наших богослужений?

Овидайя совершенно не понимал, к чему клонит начальник тюрьмы, поэтому осторожно ответил:

– Поскольку я англичанин, то привык жить среди протестантов, сеньор. Кроме того, я ничего не имею против чтений, хоть я и католик. Как бы там ни было, Библия – она Библия и есть.

– Прямо-таки кальвинистская точка зрения. Вам наверняка известно, что всего в паре сотен миль отсюда людей вешают за примерно такие же здравые человеческие рассуждения.

Овидайя решил, что разумнее всего будет просто униженно кивнуть.

– И при том, что вы хотя бы не отказываетесь от предлагаемой вам духовной пищи, работать вы не хотите. Я прав?

– Я очень даже готов работать, сеньор. Я обладаю многими качествами, которые могли бы принести тюрьме пользу, если позволите мне смелость сделать подобное замечание. Наряду со знанием языков я разбираюсь в металлургии, а также других искусствах...

Домселаер оборвал его:

– Я знаю, кто вы и что умеете, Овидайя Челон. Вы – один из тех людей, которых называют учеными. Вы коллекционируете трактаты и удивительные игрушки, тратите попусту время в кофейнях и стоите в тени великих натурфилософов, – он произнес это слово так, словно речь шла о чуме или холере. – Но вы не относитесь к их числу. Разве я не прав?

И, не дожидаясь ответа Овидаи, продолжил. Его низкий голос стал громче, обрушился на заключенного, словно гром:

– Вы не ищете мудрости, вы просто хотите пускать пыль в глаза! Вы цепляете свою начитанность и ученость себе на шляпу, словно перья. Чего у вас в избытке, так это тщеславия! Очевидно, Господь наделил вас разумом, но вы им не пользуетесь.

– Сеньор, я...

– А если и пользуетесь, то только ради того, чтобы измышлять мошеннические комбинации и обманывать честных граждан. Нет, Овидайя Челон, возможно, ваши таланты значительны, но я не стану ими пользоваться!

– Позвольте мне быть вашим самым преданным слугой, сеньор. Я обещаю, что буду работать на вас от заката до рассвета.

Домселаер посмотрел на него так, как смотрят на несмышленного ребенка:

– Речь не идет о том, чего вы хотите. Не идет она также и о том, чего хочу я. А лишь о том, как вам помочь вернуться к свету. И путь познания, тот путь, которым вы шли прежде, до добра вас не довел. Он привел вас сюда. Ваш разум обрек вас на погибель, Овидайя Челон, и снова поступит так же. Лишь тяжкий труд может исправить вашу душу.

В душе Овидайи вскипела невероятной силы ярость, и он едва сдержался, чтобы немедленно не наброситься на этого самовлюбленного кальвинистского живодера, невзирая на последствия. Лишь произнес сдавленным голосом:

– Пилить бразильское дерево? Это рабский труд. А я – дворянин.

Домселаер посмотрел на него с раздражением:

– Здесь вы лишь заблудшая душа. И если таково ваше последнее слово, то вы не оставляете мне выбора.

– Я лучше умру!

– Рано или поздно это наверняка произойдет. Но прежде вы научитесь пользоваться руками.

– Вряд ли вы можете заставить меня. Чтобы сломить мою волю, вам придется сломить и мое тело. И какой вам тогда будет от меня прок?

Вместо ответа начальник взял в руку маленький серебряный колокольчик, стоявший на столике рядом с его креслом, и позвонил. Дверь открылась, и в комнату вошел стражник.

– Этому ничто больше не поможет. Подготовьте водяную камеру.

Овидайя увидел, что лицо стражника расплылось в омерзительной улыбке:

– Как прикажете, сеньор.

* * *

Место, в которое его отвели, находилось в подвале. Рууд и еще один стражник втолкнули его в комнату, за дверью которой обнаружилась каменная лестница. Дойдя до ее подножия, он огляделся по сторонам. Комната оказалась не такой, как он ожидал. Здесь не было ни огня, в котором лежали бы раскаленные щипцы, ни других пыточных приспособлений вроде дыбы или тисков. В центре комнаты стоял лишь один большой аппарат: цилиндрический корпус футов пять высотой, сделанный из железа и дерева. На нем лежало что-то вроде коромысла с рукоятками. Овидае показалось, что ему уже доводилось видеть нечто подобное в одном трактате о системах орошения.

– Это колодец? – спросил он.

Вместо ответа стражники рассмеялись и подтолкнули его к аппарату. У подножия его находились два железных крепления с кольцами, через которые Рууд продел цепь, затем защелкнул ее на ногах Овидайи, и тут англичанин начал смутно догадываться о том, что его ждет.

Стражники пошептались, а затем удалились. Когда они вышли, в комнату вошел начальник тюрьмы. Стоя на верхней ступеньке лестницы, он смотрел на прикованного внизу Овидайю. Домселаер холодно улыбнулся:

– Раз уж вас интересуют подобные вещи, вы наверняка уже догадались, как работает этот аппарат, не так ли?

– Водооткачивающий насос, – глухо ответил Овидайя.

– Совершенно верно. Как вам известно, немного южнее от этого места протекает канал Сингелграхт. Оттуда проложена труба, – и он показал на отверстие размером с кулак в стене из обожженного кирпича, – прямо сюда.

Домселаер взял железную цепь, свисавшую с потолка у дверной перемычки, на которую Овидайя раньше не обратил внимания. Когда начальник потянул за нее, раздался металлический щелчок, и несколько секунд спустя из дыры в стене потекла вода. Она текла по

каменному, чуть вогнутому полу, собираясь вокруг водооткачивающего насоса, в основании которого находилось несколько входных отверстий. Прошло всего несколько мгновений, и Овидайя оказался по щиколотку в воде. Мужчина протянул руку к деревянной рукоятке насоса, но не надавил на нее.

– Вам следует качать! – крикнул начальник, вынужденный перекрикивать рев устремившейся в комнату воды.

– Это убийство, сеньор! – рявкнул в ответ Овидайя.

– Нет, это лишь стимул начать наконец пользоваться руками, данными вам Господом. А теперь качайте! Качайте, если вам жизнь дорога.

Вода уже доходила до колен. Овидайя изо всех сил надавил на рукоять насоса. Раздался булькающий звук, когда вода под давлением вошла в отверстия цилиндра, уходя куда-то из комнаты. Когда он крикнул начальнику тюрьмы, что считает это наказание убийством, он говорил совершенно серьезно. Комната была почти квадратной, длина стен составляла футов пятнадцать. Это составляло площадь примерно двести двадцать пять футов квадратных. Вода уже доходила ему до колен, то есть поднялась на два фута. Если он прав в своих расчетах, с тех пор прошло секунд десять. То есть каждую секунду в маленькую комнату прибывало еще двести восемьдесят галлонов воды. Если не качать, вода через двадцать секунд поднимется до уровня его носа.

Но он уже качал изо всех сил. Поднимать и опускать рычаг было ужасно тяжело. Продолжая возиться, он пытался вести расчеты, но числа и формулы расплывались перед внутренним взором, словно стая вспугнутых птиц. Вскоре для него уже существовал только насос. Вверх и вниз, вверх и вниз. Овидайя работал изо всех сил, мышцы горели огнем, но вода продолжала прибывать. Двести восемьдесят галлонов в секунду минус работа насоса. Сколько галлонов откачает ручной насос такого типа за равный промежуток времени? Возможно ли вообще создать достаточно высокое давление? И линейны ли кривые наполнения и откачивания или же уровень прибывания и убывания воды изменяется в зависимости от уровня воды в комнате?

Перед глазами у Овидайи плясали черные круги, не только из-за работы насоса, но и из-за соленой воды из Эя, обжигавшей еще свежие раны. Тем не менее Овидайя едва не рассмеялся, осознав парадоксальность ситуации. Он давно уже искал предмет для исследования, еще не ставший всеобщим достоянием, благодаря которому смог бы заслужить свои натурфилософские шпоры. А вопрос, как влияет наполненность на приток и отток жидкостей в закрытом сосуде, насколько ему было известно, еще никто прежде не исследовал, не говоря уже о том, чтобы дать правильный ответ. Соответствующим образом выстроенный эксперимент, без сомнения, вызовет сильную шумиху, может даже стать основанием для новой области исследования: гидрометрии. Возможно, результаты даже опубликуют в журнале «Философские операции» Королевского общества.

Как назло, эксперимент шел полным ходом, а Овидайя был в нем подопытным кроликом. Вряд ли у него еще будет возможность перенести свои познания на бумагу. Холодная вода из канала уже доходила ему до груди. Качать становилось все тяжелее, поскольку для каждого движения нужно было преодолеть сопротивление воды, как только его руки погружались в коричневатую жижу. Вода доходила уже до горла. Рукоятки насоса выскользнули из рук. Железные цепи крепко натянулись на лодыжках, когда он принялся грести руками. Овидайя запрокинул голову назад, чтобы поднять нос над водой, и увидел открытую дверь. Там, наверху, стоял начальник и еще один мужчина, почему-то показавшийся ему знакомым. Он, как и Домселаер, был одет во все черное, однако у него было значительно больше ленточек и рюш, что заставило Овидайю предположить, что это зажиточный купец. «На площади Дам, – подумал он, – я уже однажды видел тебя, на площади Дам, на бирже». И его поглотила вода.

* * *

Он услышал ритмичное постукивание и грохот, доносившийся откуда-то издалека, а затем понял, что кто-то колотит его кулаками по груди. Овидайя открыл глаза и исторг из себя поток воды, а потом еще один. Его скрутило, он закашлялся. Наружу вышло еще больше воды, потом остались только рвотные позывы. Он лежал на полу камеры и словно сквозь туман видел пару ног, обутых в начищенные туфли на высоких каблуках с искусно сделанными серебряными пряжками. Ни начальник тюрьмы, ни охранники уж точно не могли позволить себе ничего подобного.

Овидайя встал на колени и огляделся. Откуда-то доносились булькающие звуки, словно из стока. Вода, за исключением парочки ручейков и луж, ушла. Перед ним стояли охранники, начальник и купец в красивых туфлях.

– Именно теперь, когда мы наконец-то сумели убедить его в пользе физического труда, вы хотите забрать у меня этого английского бродягу?

Купец покачал головой. Ему было лет двадцать пять, лицо бледное из-за работы в закрытых помещениях, тело уже поразительно полное, даже для голландца. Он был похож на личинку, закутанную в черный дамаст.

– Разве я могу отнять что-то у вас, сеньор? Вы сам себе хозяин. Но нам пригодится этот человек, и, возможно, мы смогли бы применить его умения на благо республики.

– И как это возможно, скажите на милость?

– На этот счет я не имею права ничего говорить. Могу лишь обещать вам, что мы намерены использовать его для мероприятия на благо Генеральных штатов, которое, кроме прочего, представляет собой чрезвычайно богоугодное дело. Возможно, нам удастся превратить его в полезного члена общества.

Домселаер с отвращением поглядел на стоявшего на коленях Овидайю.

– В этом я сомневаюсь. Потому что его нужно отправить либо на рудники, либо на плантацию сахарного тростника: он должен вкалывать, как бык под ярмом, иначе он навеки останется грешником и обманщиком.

– Вероятно, вы правы. Но все же вы предоставите его в наше распоряжение? Конечно же, *tuchthuis* получит соответствующую компенсацию.

Домселаер обреченно пожал плечами:

– Забирайте. Но не возвращайте потом.

Затем он отвернулся и стал подниматься по лестнице. Овидае очень хотелось сказать что-то, однако его по-прежнему сотрясал кашель. Не успел он опомниться, как Рууд поставил его на ноги и подтолкнул к ступеням. Перед глазами снова заплясали черные круги, и он опять потерял сознание.

Придя в себя, он чувствовал себя уже значительно лучше. Возможно, дело было в том, что его переодели в сухую одежду и посадили в кресло у камина – кресло начальника. Мужчина узнал комнату, но Домселаера нигде не было видно. Вместо этого на него глядел тот самый толстый купец. Он стоял в нескольких метрах от кресла, прислонившись к стене, и курил трубку.

– Как вы себя чувствуете? – поинтересовался купец.

– С учетом обстоятельств довольно хорошо, сеньор. Позвольте ли спросить, с кем имею честь?

– Пит Конрадсsoon де Греббер. Я должен сопроводить вас к своему отцу.

Де Греббер. Конрад де Греббер. Это имя о чем-то говорило ему, однако в желудке все еще было слишком много солоноватой воды из канала.

– Может быть, вы можете рассказать мне что-то о том деле, относительно которого ваш дорогой отец желает побеседовать со мной?

Де Греббер отрицательно покачал головой.

– Понимаю. Полагаю, мы уходим немедленно.

– Если вам это удобно, господин. Полагаю, вас здесь ничто не держит.

Овидайя поднялся, посмотрел на мраморный символ Амстердама, строго глядевший на него с камина и крепко сжимавший в руке молотильный цеп.

– Нет, ничто.

Они вышли из приемной Домселаера и оказались во внутреннем дворе тюрьмы. Там их уже ждала черная лакированная повозка, бричка с упряжкой из двух лошадей, которых могли себе позволить только очень зажиточные жители Амстердама. Вот уже к ним подбежал возница, открыв перед ними дверь. Когда они садились в повозку, Овидайя заметил, что на двери брички, где обычно не было никаких украшений, нарисована маленькая золотая эмблема. Там были буквы «О» и «С», а поверх них – значительно более крупная «V», две половинки которой пересекали «О» и «С». И над этим вензелем красовалась буква поменьше: «А». Этот фирменный знак был ему знаком: его знали все. Бричка принадлежала Объединенной Ост-Индской компании, точнее говоря, ее амстердамскому филиалу, как сигнализировала маленькая буква «А». Что может быть нужно от него самой могущественной торговой организации в мире?

* * *

На протяжении всего пути они не проронили ни слова. Пит де Греббер был похож на человека, которому положение и богатство хотя и придавали определенную самоуверенность, но в душе он оставался трусом и опасался сам принимать решения. Он наверняка был чьим-то ставленником, вероятно, собственного отца. А поскольку тот, судя по всему, дал недвусмысленное указание ничего не говорить о сути дела, ради которого ему понадобился Овидайя, англичанин решил, что расспрашивать толстяка на этот счет бессмысленно. Лучше во время поездки подумать о том, что его ждет.

Бежав из Лондона, он решил, что будет вполне логично, если его следующей остановкой станет Амстердам. Здесь у него была небольшая сеть, состоявшая из нескольких ученых, с которыми он переписывался уже несколько лет. И, что еще важнее, здесь никто не знал о его афере с поддельными векселями. В Лондоне после неудачной идеи с гвоздичными опционами он опасался, что станет в кофейнях и на Эксчейндж-элли персоной нон грата. Еще сильнее он опасался гнева Дойла. Если бы он остался в Англии, учитель фехтования рано или поздно наверняка натравил бы на него наемного ловца воров. Кроме того, Дойл мог воспользоваться своими связями с герцогом Монмутом, чтобы заточить его во Флитскую долговую тюрьму или, хуже того, в печально известную Маршалси, из которой практически никому не удавалось выйти живым. А вот на бирже Дама он мог начать все сначала. Скоро он понял, что в Амстердаме для опытного спекулянта открываются значительно более яркие возможности, нежели в Лондоне. Там – это центр финансового мира, здесь торговали дюжинами акций, а безналичные расчеты в форме векселей или счетов принимали все. Несколько месяцев Овидайя пользовался этими выигрышными для себя условиями и скопил скромное состояние. «На том и нужно было остановиться, – подумалось ему. – Но мне захотелось проверить еще одну сделку, всего одну». Однако же, как и в Лондоне, эта последняя сделка уничтожила его, и на этот раз бежать ему не удалось.

В окно кареты было видно, что они ехали вдоль Клоофграхта, трехэтажные купеческие дома на котором сияли в лучах утреннего солнца. Он неоднократно слышал, как нещадно ругается кучер. Мужчина снова выглянул в окно. Кажется, снаружи что-то происходит, это

точно. На углах улиц стояли взволнованные *nieuwspostwijken*, продавщицы газет, и что-то кричали прохожим на своем певучем наречии, однако Овидайя их слов не понимал. По каналу в сторону Эя плыло больше барж, чем обычно, к каналу Кловенирбургваль бежало людей больше, чем это обычно бывало в такой час. Да, они все бежали наверх, на север, в сторону гавани. Казалось, никто не двигался в противоположную сторону, к площади Дам или Амстелю, где дела в такой час должны были быть в самом разгаре.

Чем дальше они ехали, тем напряженнее становилось движение. Овидайя слышал залпы мушкетов, сопровождаемые низким ревом орудий. Он попытался встретиться взглядом с де Греббером, который сидел напротив него, сложив руки на животе. Торговец поднял брови, словно предлагая задать ему вопрос.

– Что там происходит, сеньор? Война?

Де Греббер радостно захихикал, от чего слои жира на его теле затряслись.

– Вы здесь недавно, не так ли? Это наши суда.

– Возвратившийся флот?

– Да. Сотни кораблей, они заняли весь Эйсселмер, до самого горизонта. Грузенные перцем из Малакки, фарфором из Цзиндэчжэня, красным деревом, индиго, цейлонским сахаром. Поистине величественное зрелище. В другой ситуации я с удовольствием посмотрел бы на этот спектакль, но у нас дела.

Овидайя только кивнул. Как он и предполагал, на уровне моста Бушуислуис бричка повернула на улицу Оуде Хогстраат. Здесь находился дом *Ost-Indisch-Huis*, штаб-квартира компании. Спустя несколько минут бричка остановилась и возница открыл перед ними дверь. Де Греббер вышел из кареты, Овидайя последовал за ним. Штаб-квартира Ост-Индской компании представляла собой двухэтажное здание из обожженного кирпича с высокими зарешеченными окнами и крыльцом, обрамленным двумя белыми пилястрами в тосканском стиле. Снаружи здание не производило особого впечатления, однако Овидайя знал, что за фасадом скрывается одна из самых великолепных построек Амстердама. Они прошли за порог и оказались во внутреннем дворе, раз в пять превышавшем двор каторжной тюрьмы по размеру. Здесь царило сильное оживление, между отдельными частями здания сновали посыльные и начальство, лица у всех были серьезные, вероятнее всего, они были заняты тем, что подсчитывали прибыль только что прибывшего торгового флота. Де Греббер провел его в часть здания, где, если Овидайя не ошибался, заседала дирекция компании. На это указывали как минимум украшения и декорации, расставленные повсюду, словно это было в порядке вещей. Полы были мраморными, потолки украшены итальянскими фресками, на стенах висели картины, написанные маслом, на которых были изображены суда и негодянты. Поднимаясь по наружной лестнице на второй этаж, Овидайя увидел огромный портрет Вильгельма III, висевший в противоположном конце коридора. Нидерландский статхаудер смотрел на него, и лицо его было серьезно, в правой руке он сжимал шпагу. Принц Оранский слегка украшал побеленную стену, на которой висел, на большее он вряд ли был способен. Поскольку власть – и об этом знал даже такой *kromprater*, то есть человек, плохо говорящий на языке страны, как Овидайя, – принадлежала не статхаудеру, не Генеральным землям и не магистрату, а тем, кто давал республике ее огромное богатство. Она принадлежала людям, суда которых как раз в нескольких сотнях метров поодаль ликованием встречали жители Амстердама.

И внезапно Овидайя Челон понял, где он уже слышал имя Конрад де Греббер. Его толстенький спутник, переводя дух, остановился перед портретом Вильгельма и поглядел на Овидайю, остановившегося как вкопанный посреди лестницы.

– Прошу вас, господин, поторопитесь. Мой отец не тот человек, которого можно заставлять ждать.

– Ваш отец. Ваш отец – один из семнадцати директоров.

– Верно. Итак?

Овидайя кивнул и пошел дальше. *De Heeren XVII. The Lords Seventeen. Le Conseil des Dix-Sept*. На каком бы языке это ни говорилось, слова звучали почти мистически. Те самые Семнадцать, составлявшие совет компании, были самыми могущественными людьми в Голландии. Ресурсы их были практически безграничны, по их приказу поднимались и падали не только торговцы и купцы, но и принцы и короли.

Казалось, верхний этаж штаб-квартиры Ост-Индской компании обставлен еще роскошнее, чем нижний, если это вообще было возможно. Они шли мимо различных драгоценностей, привезенных из-за моря: индийской мебели с золотой инкрустацией, дорогих китайских ваз, персидских настенных ковров. Де Греббер направился к двери в конце коридора. Она была сделана из эбенового дерева, на ней красовалась золотая цифра XVII. Купец вошел без стука. Они оказались в большой комнате, которая хотя и была внушительной, по сравнению с остальными частями штаб-квартиры компании казалась обставленной несколько скудно. На стенах висели карты Батавии и Японии в рамках, перед камином из зеленого мрамора стоял накрытый такой же зеленой скатертью длинный стол с семнадцатью стульями вокруг него.

Де Греббер произнес:

– Ждите здесь. Сейчас он к вам присоединится.

Затем развернулся на каблуках и вышел из комнаты. Овидайя стоял не шевелясь. Казалось, за ним никто не наблюдает. Сбежать было бы легче всего, однако ничего подобного он делать не стал. Вместо этого он принялся осматриваться и остановился перед вставленными в рамки картами. На них были изображены все Нидерланды полностью, на севере – семь провинций Генеральных штатов, а также присоединенные Генеральные земли, на юге – области, принадлежащие Испанской короне. И надо всем этим красовался силуэт льва, *Leo Belgicus*¹⁰.

Дверь открылась, и Овидайя обернулся. В комнату вошел мужчина. Конраду де Гребберу было за пятьдесят, и он был значительно стройнее своего сына, который был раза в два его моложе. Одевался он как и большинство богатых голландцев, и, хотя Овидайя уже некоторое время жил в Амстердаме, он и на этот раз едва сумел сдержать улыбку. Де Греббер пытался выглядеть как кальвинистская церковная мышь и самым потрясающим образом терпел в этом поражение. Его белая рубашка и черные одежды простого покроя должны были свидетельствовать о смирении. Однако сюртук и брюки были при этом из самого лучшего лионского бархата, рубашка была вся в кружевах. Вероятно, эти вещи стоили дороже всего гардероба, который был у Овидайи в его лучшие времена. Однако для жителей Амстердама наряд де Греббера наверняка сошел бы за образец протестантской сдержанности. Но горе тому, кто наденет пару серебряных колец или броский парик: тогда уличные мальчишки станут кричать о таком человеке, что он *pronker*, то есть франт.

Все это пронеслось у него в голове, а Овидайя тем временем низко поклонился и произнес:

– Ваш преданный слуга, сеньор.

Де Греббер приветливо кивнул:

– Благодарю, что прибыли столь быстро.

– Благодарю, что вы сделали мое прибытие возможным, сеньор.

– Ладно, ладно. Пойдемте. Присядем. Давайте немного выпьем и поговорим о деле, в котором вы, возможно, сможете мне помочь.

Де Греббер сел во главе большого стола, Овидайя присел рядом. Едва они оказались за столом, как в комнату вошли двое слуг. У обоих в руках были большие подносы, кото-

¹⁰ Бельгийский лев (лат.).

рые они поставили перед мужчинами на стол: серебряный кофейник, хрустальный графин с портвейном и две миски. В одной лежали засахаренные апельсины и персики, во второй – *oliekoeken* и *heerenbrod*¹¹.

– Угощайтесь. Как я слышал, утро у вас не задалось. Кофе хотите, милорд?

– С удовольствием.

Пока один из слуг наполнял китайские фарфоровые чаши горячим кофе, Овидайя негромко произнес:

– Давно уже меня никто не называл милордом, сеньор.

– Однако вы ведь из благородного рода, не так ли? Ваш отец был баронетом Нортвикским.

– Вы хорошо информированы. У моей семьи были владения в Саффолке со времен Эдуарда IV. Однако гражданская война...

– Кромвель отнял их у вас, я полагаю. Из-за вашей веры?

– Наряду с папизмом моего отца обвиняли и в других вещах, а затем казнили. Но вы правы, проблема была именно в вере.

– Возможно, однажды вы сможете вернуть себе свои земли.

В душе у Овидайи вскипела ярость. Всегда считалось, что богачи понятия не имеют, как обстоят дела в мире обыкновенных людей, однако среди всех известных ему людей голландцев можно было отнести к числу самых наивных. С учетом размеров их империи, раскинувшейся по всему миру, это было весьма иронично. Причиной этого невежества можно было считать тот факт, что они жили на этом маленьком острове блаженства, где можно быть гугенотом или католиком и не быть четвертованным за это. В Англии все было по-другому. Никто никогда не сочтет себя обязанным вернуть члену низшего дворянского сословия владения, которые были отняты у него тридцать лет назад. Отвечая, он пытался сохранять спокойствие:

– Мне это кажется весьма невероятным, сеньор.

По лицу де Греббера Овидайя понял, что тому кажется, будто он знает что-то, чего не знает он.

– Я хочу предложить вам сделку, точнее, поручить вам ее осуществление. Дело очень прибыльное. Не только для компании, но и для вас.

– А в чем загвоздка?

– Если все пойдет не так, как нужно, вы умрете, вероятно, весьма болезненным способом.

Овидайя пожал плечами:

– Такова природа весьма прибыльных сделок. Они всегда сопряжены с высокой степенью риска.

– Действительно, кому же, как не вам, знать об этом! Сколько вы нажили благодаря вашим спекуляциям на площади Дам?

– Более девяти сотен золотых дукатов.

Директор Ост-Индской компании был впечатлен:

– Довольно значительная сумма для дельца, который действовал в одиночку.

– Возможно. Тем не менее я не жалею, что попытал счастья.

– Не знаю, могу ли я вам верить. С другой стороны, если меня правильно информировали, вы понесли не слишком большие убытки, поскольку львиная доля ваших вложений состояла из поддельных векселей.

– Сеньор, возможно, это выглядит как мошенничество, однако прошу вас вспомнить о том, что для меня дело было не только в деньгах.

¹¹ Блинчики и белый хлеб (нидерл.).

– А в чем?

– В натурфилософии.

Де Греббер склонил голову набок.

– По роду деятельности мне доводилось слышать много абсурдных ответов, однако эта хотя бы обещает быть оригинальной. Прошу вас, продолжайте.

– Я давно уже изучаю взлеты и падения на бирже и убежден в том, что в движении акций и других ценных бумаг есть скрытые закономерности.

Овидайя выпрямил спину.

– Кеплер и другие доказали, что созвездия движутся вокруг Солнца не в произвольном порядке, а по строго установленным траекториям, повинаясь законам гравитации. С помощью принципов математики их можно рассчитать и предсказать.

– Да, я слышал об этом недавно, в салоне. Вы полагаете, что биржа функционирует сходным образом? И что является в этой системе Солнцем?

– На площади Дам, полагаю, акции Ост-Индской компании. Признаю, до сих пор это лишь теория, но для ее доказательства я тщательно собираю примеры.

– Остается лишь то обстоятельство, что вы – фальшивомонетчик.

– До сих пор в моем отношении ничего не доказали, а лишь постановили, что в каторжной тюрьме я должен...

– Не переживайте, милорд, я пригласил вас не для того, чтобы рассказывать вам об этих вещах. – Де Греббер улыбнулся. – Я пригласил вас потому, что хочу воспользоваться вашими весьма примечательными способностями.

– И какими же именно?

– Этого я пока не знаю – всеми, которые потребуются. Если меня верно информировали, вы коллекционируете чудесные механические аппараты и, кроме того, разбираетесь в натурфилософии, – снова улыбнулся он, – особенно в металлургии. Кроме того, как уже было сказано, вы смыслите в механизмах функционирования биржи и являетесь членом «*République des Lettres*». У вас есть обширная сеть корреспондентов со всего мира. Или я о чем-то забыл?

– Только о том, что я довольно прилично играю на шалюмо¹².

– Весьма приятный инструмент. Как бы там ни было, я хочу, чтобы вы кое-что для меня добыли.

– Сеньор, возможно, в глазах некоторых людей я мошенник, однако же ни в коем случае не вор.

– В некотором роде речь действительно идет о краже, но о такой, от которой не пострадают добрые христиане. В принципе, ни у кого ничего забирать не нужно. Это безделица, все равно что стибрить из Эйсселмера ведро воды. Кроме того, это невероятно сложная интеллектуальная задача.

Овидайя взял в руку кусок засахаренного апельсина. Вместо того чтобы откусить его, он провел пальцем по шершавой поверхности и произнес:

– Вы говорите загадками. Вернее сказать, ходите вокруг да около.

Овидайя предполагал, что де Греббер сначала потребует дать слово джентльмена или поклясться Пресвятой Девой и только потом продолжит, однако тот просто сказал:

– Я хочу, чтобы вы достали для меня кофе.

Овидайя поглядел на серебряный кофейник, стоявший на столе.

– Еще больше загадок. У вас есть кофе, и он стоит прямо перед вами. Кроме того, в Амстердаме достаточно мест, где за пеннинг или два вы можете купить еще больше.

¹² Деревянный духовой музыкальный инструмент эпохи Средневековья, барокко и раннего классицизма. Считается предшественником современного кларнета.

Де Греббер замахал руками:

– А если мне потребуется сырой кофе, то мне достаточно будет щелкнуть пальцами, и какой-нибудь торговец из Харлема, конечно же, с радостью продаст целую повозку. Но задавались ли вы когда-нибудь вопросом, откуда берется кофе?

– У турок, конечно же.

– А турки откуда берут его?

– Насколько я знаю, в Аравии.

– Совершенно верно. Основной перевалочный пункт для кофе – это портовый город Моха. Выращивают его где-то в горах за городом. Торговлю кофе контролируют османы – очень прибыльное дело, поскольку мы все уже пристрастились к этому напитку, и ваша Англия, пожалуй, побольше всякой другой страны.

Дело постепенно приводило Овидайю в восторг.

– Говорите же дальше, сеньор.

– Многие наши торговцы пытались покупать кофе непосредственно в Мохе, поскольку, конечно же, там это дешевле всего, но турки зорко следят за торговлей.

– Так покупайте кофе в Александрии.

– Это тоже сложно. Александрия – это просто промежуточный пункт. Почти вся торговля левантийскими диковинками, и в первую очередь кофе, сейчас проходит через Марсель.

– Понимаю. Торговая монополия, которую контролируют вместе гранд-сеньор¹³ и Людовик XIV.

– Совершенно верно. Высокая Порта освободила французов в Константинополе от джизьи, вы знали об этом?

– Это еще что такое?

– Подушный налог, который должны выплачивать гранд-сеньору все торговцы-немусульмане. Кроме французов. Кроме того, французским торговцам разрешено беспошлинно торговать товарами с мануфактур Людовика по всей Османской империи. Это безбожный альянс, и компания полагает, что было бы выгодно продавать кофе напрямую, без ростовщической маржи, которую требуют эти язычники.

Овидайя не понял, кого де Греббер назвал этим словом, турок или французов.

– И почему вы не сделаете этого? – поинтересовался он. – Разве кофе нигде больше не растет?

– Насколько нам известно, нет, – отозвался голландец.

– Боюсь, я все еще не понимаю, в чем заключается ваш план.

Де Греббер поднялся.

– Я объясню вам это на примере. Скажите, милорд, вы курите?

Внезапная смена темы несколько удивила Овидайю.

– От хорошей трубочки не отказался бы, а после такого утра это было бы просто чудесно.

Де Греббер что-то крикнул, и спустя несколько секунд появился слуга, держа в руках курительный ящичек из орехового дерева, украшенный перламутровыми цветами. Поставив его на стол, он вынул две трубки и отвесил легкий поклон в сторону Овидайи.

– Какой позволите предложить, сеньор?

– Сливовый, пожалуйста.

Лакей набил ему трубку ароматизированным табаком, вторую по требованию де Греббера набил травами вперемешку с фенхелем. Затем принес им тлеющие лучины и исчез. Пока они сидели и курили, де Греббер негромко поинтересовался:

¹³ Имеется в виду турецкий султан.

- Вы знаете, откуда родом этот табак, милорд Челон?
- Овидайя выпустил небольшое облачко дыма.
- Из Мэриленда или Вирджинии, полагаю.
- Водянисто-голубые глаза де Греббера довольно сверкнули.
- Нет. Превосходнейший табак, который вы курите в данный момент, родом из Амерсфорта.
- Который в провинции Утрехт?
- Совершенно верно. Как вам известно, мы, голландцы, не только самые успешные торговцы мира, но и лучшие садовники. Вы только посмотрите, во что мы превратили тюльпан. Еще несколько десятилетий назад мы привезли табак из Нового Света и начали экспериментировать с ним. В данный момент мы выращиваем табак в большом количестве под Амерсфортом и вокруг Велюве. Мы экспортируем его по всему миру, только в прошлом году сумма превысила пятьдесят тысяч гульденов.
- Овидайя опустил трубку.
- Вы хотите выращивать кофе! Вы хотите украсть его у турок и покончить с монополией султана!
- Совершенно верно, милорд. Но нам нужны для начала семена или, вернее сказать, саженцы в достаточном количестве.
- Разве зерен недостаточно? Разве это не семена?
- Наши садовники в *Hortus botanicus*, ботаническом саду на Мидделаан, конечно же, уже пробовали сделать это. Детали мне точно не известны, однако же, кажется, это не сработало.
- Признаю, задача приводит меня в восторг.
- Интересный *comundrum*¹⁴, не так ли? Мы хотим снарядить экспедицию, группу отважных мужчин, которые уведут у турок их напиток. Руководитель этой экспедиции должен обладать острым разумом, обширными связями с очень талантливыми людьми и разбираться в новейших достижениях натурфилософии. Вы подходите для этой задачи как нельзя лучше.
- Вы так считаете?
- Мне нужен мозг ученого, милорд. И, кроме того, человек, которому нечего терять.
- Вы намекаете, что упечете меня обратно в *tuchthuis*, если я откажусь?
- Боюсь, что если вы воспротивитесь, то тюрьмой не отделаетесь. Вы помните господина по фамилии Дойл? Мелкий франт на службе у герцога Монмута?
- Рука Овидайи, в которой он держал глиняную трубку, судорожно сжалась.
- А что с ним?
- Вы всучили ему очень много фальшивых бумаг Амстердамского банка.
- Кажется, это было давно.
- Де Греббер торжествующе улыбнулся.
- Вернее сказать, вы всучили их не ему.
- Овидайя молча кивнул. Он давно догадывался, что Себастьян Дойл был всего лишь марионеткой, ибо откуда же у учителя фехтования такое состояние? Дойл находился на службе у королевского бастарда Джеймса Скотта, герцога Монмута. Настолько высокопоставленная личность, как Скотт, конечно же, не мог опуститься до того, чтобы иметь дело с каким-то спекулянтом с Эксчейндж-элли, поэтому поручил другому человеку сделать это вместо него. И этим человеком оказался Дойл.
- Как вам наверняка известно, Монмут был довольно популярен среди англичан.
- Монмут действительно был вроде народного героя. Привлекательная внешность в данном случае была только преимуществом, но гораздо важнее было то, что он придержи-

¹⁴ Загадка, головоломка (англ.).

вался правильной конфессии. Он, как и его отец, Карл II, был протестантом. Его брат и назначенный наследником престола Джеймс, к ужасу всей страны, перешел в католицизм. Если Джеймс станет королем, Англия внезапно снова станет католической страной. Поэтому народ предпочитал Монмута – может быть, он и бастард, но бастард протестантский.

– Возможно, ваша афера с векселями так никогда и не вскрылась бы, если бы в Англии их ходило много, – произнес де Греббер.

– Неужели Монмут попытался обменять их? – недоверчиво переспросил Овидайя.

– С момента вашего поспешного отъезда из Лондона произошло немало событий. Многие люди придерживались точки зрения, что после кончины Карла на английский трон лучше посадить Монмута, нежели паписта Джеймса, которого, как всем известно, за ниточки дергает «король-солнце». Сам герцог Монмут опасался, что приверженцы законного наследника престола устроят его. И бежал в безопасный порт.

– В Амстердам.

– В Амстердам, куда ж еще. Как вы понимаете, по приезде сюда Монмут был на грани разорения, по крайней мере по меркам высшей знати. И тут он вспомнил, что владеет вашими векселями. Он попытался обналичить их – собственно, у векселедателя.

– Господь всемогущий!

– Подделку вы осуществили тщательно, этого у вас не отнять. На нее купились бы даже многие банкиры, но, когда герцог попытался превратить их в деньги в главной конторе Амстердамского банка, все и всплыло. Скандал был невероятный.

Овидайя начал догадываться:

– Однако же один весьма приятный сотрудник компании выкупил у герцога бумаги, не так ли?

– Действительно. Незадолго до того, как Монмут снова уехал в Англию. – Де Греббер сунул руку в камзол и вынул связку бумаг. – Теперь векселя принадлежат мне. Поскольку я без труда мог бы доказать, что они сделаны вами, теперь вы не только обманули какого-то английского бастарда, но и одного из Семнадцати. Если я буду вынужден пойти с этим делом в суд, каторжной тюрьмой вам не отделаться.

– Понимаю. Что ж, если все обстоит именно так, я ваш.

– Великолепно. Вы не пожалеете. Разработайте план и сообщите мне, что вам потребуется. Ресурсы ваши практически безграничны. Нанимайте кого потребуется. В дальнейшем вы установите связь с одним из наших самых выдающихся конструкторов и натурфилософов, если для вашей миссии понадобятся какие-то аппараты или необычные предметы. Но самое главное – ведите себя скромно. У французов повсюду глаза и уши.

Овидайя кивнул.

– Неужели же я волен идти куда пожелаю?

– Если это служит выполнению вашего поручения – конечно. Не сомневаюсь, что вам потребуется съездить в Левант или другие удаленные места. Делайте что потребуется.

– Первым делом, – произнес Овидайя, – мне нужно поговорить с одним корреспондентом.

– И где же находится этот господин?

– Повсюду.

Часть II

Дальше всех пойдет тот, кто не знает, куда он идет.
Оливер Кромвель

Жувизи, 7 февраля 1686 года

Ваше светлейшее и христианнейшее величество!

Когда на закате жизни мне была оказана честь и дозволено сыграть партию в бильярд с вашим величеством, вы попросили меня провести определенное расследование относительно недавних беспорядков в Англии. Хотя я не сомневаюсь в том, что острый как бритва разум вашего величества помнит каждое сказанное по тому поводу слово, я все же позволю себе порядка ради еще раз подытожить то, что вы мне поручили. Именно же: путем проверки корреспонденции подозрительных индивидуумов, а также опроса наших шпионов еще больше прояснить ситуацию относительно того, как могло случиться восстание против вашего кузена Якова II, первого христианского короля на английском троне за почти сотню лет.

В минувшие недели ваш Черный кабинет тщательно работал над расшифровкой и оценкой определенных писем, циркулирующих между Лондоном, Амстердамом и Парижем. Далее я нижеизложу вашему величеству результаты и информацию, полученную в ходе *enquête*¹⁵.

Как известно вашему величеству, живущий в изгнании в Голландии Джеймс Скотт, Первый герцог Монмут, поднял восстание против Якова II. Хотя он является лишь бастардом покойного короля Карла II, герцог выдвинул притязания на английский трон, который однозначно полагался брату Карла II, Джеймсу, коронованному в апреле 1685 года. По мнению Монмута и некоторых представителей английского народа, глубокая христианская вера, и под этим словом я имею в виду истинную католическую веру Джеймса, превращала его в плохого короля, что является искажением божественных фактов и настолько сильным богохульством, что мне остается только покачать головой.

Монмут переправился из Голландии в Англию в мае 1685 года. После высадки он немедленно взял курс на Лондон. Вокруг себя он собрал банду оборванцев и авантюристов, которые под командованием графа Танкервилля должны были войти в столицу с целью свергнуть с трона Якова II, прежде чем тот успеет укрепить свою власть.

Как вам известно, затея Монмута самым жалким образом провалилась. Судя по всему, претендент на трон плохо подготовил свое восстание. От голландских шпионов, наблюдавших за ним во время его изгнания, нам стало известно, что Джеймс Скотт – человек весьма располагающей внешности, твердо верит в себя, и вера его сочетается с практически безграничной глупостью. Он схож с Гомеровским Парисом: красив и силен, однако не способен оценить последствий собственных поступков. Поэтому герцог дошел лишь до местечка под названием Седжмур. Там королевские

¹⁵ Расследование (*фр.*).

войска рассеяли его банду, словно стаю надоедливых мух. Монмут бежал, однако вскоре был схвачен и казнен.

Я почти вижу нетерпение, написанное на лице вашего величества, и если бы я стоял перед вашей светлостью, то непременно бросился бы ниц и молил о прощении; ибо до сих пор я сообщил лишь о том, что вы могли бы прочесть и в «Газетт де Франс». Однако обрисовать случившееся еще раз было необходимо, чтобы сообщить, почему восстание Монмута, как его уже называют англичане, несмотря на поражение, все еще представляет огромное значение для безопасности нашей государственности.

Как известно вашему величеству, герцог Монмут давно находился под самым внимательным наблюдением; ни одно из его писем не достигло Лондона, чтобы мои английские коллеги из Главного почтового управления Англии не сняли с него копию для нас, кроме того, нам достоверно известно, с кем и о чем говорил Монмут в Голландии. Поэтому наши тамошние шпионы, насколько об этом известно из протоколов, были практически уверены в том, что герцог ни для кого не представляет серьезной опасности.

Еще более важным, чем его ограниченность, было то обстоятельство, что несколько месяцев тому назад у него не было средств даже на то, чтобы жить в соответствии со своим положением. Его содержали голландские родственники, поскольку он не мог позволить себе иметь ни коня, ни тем более собственной резиденции. В отдаленных провинциях обычные торговцы специями – и те живут лучше.

Тем не менее весной 1685 года Монмут сумел арендовать корабли, нанять наемников и купить оружие. По нашим подсчетам, чтобы оплатить все это, ему потребовалось состояние размером от двух до четырех тысяч гульденов, поскольку даже в городе, полном спекулянтов, таком как Амстердам, на подобное предприятие кредит не даст никто, ведь перспектива выплаты менее реальна, чем прибытие обратного флота точно в срок. Так откуда же у герцога вдруг взялось золото для финансирования своего постыдного мятежа?

Не стану больше злоупотреблять терпением вашего величества. Согласно моим сведениям, у Монмута было два сообщника, финансировавших его преступную деятельность. Один из них – это земляк Монмута, некий поместный дворянин по имени Овидайя Челон. Этот Челон – довольно известная личность в определенных кругах, пользующаяся довольно дурной славой, поскольку его неоднократно подозревали в фальшивомонетничестве. Наши контакты в Лондоне утверждают, что в прошлом он подделывал как испанские пистолы, так и английские шиллинги. Однако с недавних пор он переквалифицировался на новомодные бумажные деньги, которые приобрели определенную популярность в первую очередь в Генеральных штатах. Кроме прочего, говорят, что он подделывал дукаты, которые, как наверняка известно вашему величеству, представляют собой небольшую часть акции Голландской Ост-Индской компании. Кроме того, у него была химическая лаборатория неподалеку от Уайтчепела, на окраине Лондона, до того как из-за одной неудачной мошеннической операции он вынужден был переселиться в Амстердам.

Официально этот Челон считается ученым. Не знаю, известна ли вашему величеству эта странная разновидность людей. Речь идет о мужчинах, которые собирают аппараты и изобретения натурфилософов и

читают их трактаты ради укрепления своего духа. Кажется, большинство из них – дворяне, которые восторгаются науками, но всерьез их не изучают. И вот таких ученых очень много, особенно в Англии. По моему мнению, они практически ничем не отличаются от франтов и других ничтожеств, только вкладывают свои деньги и время не в изящные парики и дорогую одежду, а в карманные часы, телескопы или заспиртованных уродцев: если так можно выразиться, их мода – натурфилософия.

Говорят, в юности этот Челон два семестра проучился в Оксфорде. Затем у него закончились деньги, вероятно, по той причине, что он больше внимания уделял вину и женщинам, нежели книгам. Однако в случае Овидаи Челона маска ученого – лишь искусное прикрытие. Она позволяет ему незаметно переписываться с очень многими людьми и содержать лабораторию. Иногда Челон даже утверждает, будто является католиком, хотя он, вне всякого сомнения, протестант и диссидент.

И от этого агента-provокатора герцог Монмут получил те средства, благодаря которым стало возможным его восстание. От такого внимательного читателя, как ваше величество, наверняка не укрылось, что я упоминал о втором заговорщике. Пока что нам не известно его имя, однако его существование несомненно. Ибо, судя по всему, что мне удалось узнать, Челон передал герцогу деньги в форме облигаций Амстердамского банка, которые тот без труда смог использовать во время своего пребывания в Голландии и обратить в деньги; однако данный англичанин обладает слишком скромным состоянием, чтобы действовать в одиночку. Возможно, за спиной Челона стоит некий могущественный кукловод, некий тайный властитель, которому нравится использовать свое богатство с целью устройства мятежей против установленного Господом миропорядка.

Нам известно, что в минувшие месяцы Челон находился в Амстердаме, предположительно, с той целью, чтобы быть ближе к Монмуту. Также ходили слухи, что он встречался там с другими изгнанниками, например с печально известным бунтарем Джоном Локком. При этом действовал Челон очень ловко. Вместо того чтобы поселиться в трактире, он в целях маскировки позволил заточить себя в каторжную тюрьму. Кроме того, в Амстердаме Челон также общался с одним из руководителей Ост-Индской компании. Это также указывает на тот факт, что подозрение, которое ваше величество так прозорливо изволили высказать некоторое время назад, к сожалению, соответствует действительности: компания, интересующаяся будто бы исключительно торговлей, использует свою немалую прибыль ради того, чтобы ослабить Англию и Францию, финансируя восстания и мятежи. И это, как ваше величество справедливо изволили заметить, весьма тревожный факт.

Поэтому я нижайше предлагаю вашему величеству продолжать тщательно наблюдать за этим английским provокатором, однако пока не арестовывать его. На данный момент нам известно слишком мало о его планах, кроме того, стоит опасаться, что, если мы отрубим гидре голову, у нее вырастет новая, в другом месте.

Недавно Челон ездил в Роттердам и Гаагу. Пока что неясно, с какой целью он нанес эти визиты. Я буду держать ваше величество в курсе относительно дальнейших событий. Если вашему величеству будет

угодно оказать мне честь и удостоить аудиенции, я немедленно отправлюсь из Жувизи в Версаль, чтобы выслушать ваше решение относительно указанного дела.

*Ваш вечно преданный слуга
Бонавентура Россиньоль*

* * *

Слова Овидаи, сказанные де Гребберу относительно того, что его контактное лицо находится повсюду, были преувеличением, однако весьма незначительным. Пьер Бейль был родом из деревушки в Пиренеях и работал в Тулузе, Париже и Женеве домашним учителем и профессором, а затем переехал в Роттердам. Француз постоянно переписывался с таким количеством людей по всему свету, что сеть контактов Овидаи в сравнении с этим была скудной. Бейль принадлежал к числу высшего дворянства «*République des Lettres*», некоторые даже считали его некоронованным монархом. Поэтому нельзя было назвать дерзким утверждение, что ученый находится в нескольких местах одновременно.

Бейль жил в Шарлуи, районе на юге Роттердама, населенном в основном гугенотами. Поначалу там существовала лишь небольшая диаспора, однако с тех пор, как христианнейший король усугубил преследование французских протестантов, район превратился в настоящий французский квартал. Со стороны порта Овидае достаточно было лишь идти в сторону, откуда раздавались крики торговцев и голоса прохожих. Французский постепенно вытеснил нидерландский. На перекрестке Овидаи спросил у продавца трубок, где находится кофейня «Константинополь», та самая, которую Бейль всегда указывал как свой почтовый адрес. Мужчина указал на покосившееся от времени здание в конце переулка. Войдя внутрь, Овидаи отметил, что интерьер не слишком отличается от обстановки лондонских кофеен. Впрочем, здесь было разложено меньше памфлетов, зато стулья были удобнее, было здесь даже несколько кресел. Овидаи подошел к стойке и кивнул хозяину, худощавому мужчине в цветастой рубашке с золотыми кружевами, одетому, судя по всему, по турецкой моде.

– Добрый день, местье. Я ищу своего знакомого. Мне известно, что он получает здесь корреспонденцию, но, к сожалению, я не знаю его настоящего адреса.

Мужчина, одетый как турок, окинул его взглядом, а затем произнес:

– Как же зовут вашего друга, сеньор?

– Пьер Бейль. И я полагаю, – Овидаи указал пальцем на один из почтовых ящиков за стойкой, – что это его ящик.

На полке, куда он показывал, было ящиков тридцать. Половина из них была пуста, в других лежало всего по два-три письма. И только один был полон.

Владелец кофейни кивнул:

– Вы правы, сеньор.

– Судя по полному ящику, можно сказать, что мой друг давненько не забирал почту. Он в отъезде? Когда вы видели его в последний раз?

– Вчера, ближе к вечеру. Обычно он заходит два раза в день.

– Хотите сказать, что все эти письма – сегодняшние?

– О да. И, скажу я вам, это не самая большая стопка, которую мне доводилось хранить.

– Не будете ли вы так любезны и не сообщите ли мне его адрес?

– Идите к Форнзестрат и сверните там налево, в Зюидхок. Ржаво-красный дом со знаком чернильницы и пера над дверью – его.

Поблагодарив мужчину, Овидаи отправился в путь. Вскоре он уже стоял перед домом Бейля и стучал в дверь. Прошло некоторое время, и он услышал шаги. Дверь открылась,

и в дверном проеме показался мужчина лет сорока. Глаза у него были прищурены, как у человека, который несколько часов работал с бумагами при плохом освещении. Пьер Бейль был одет в бархатный халат, и было видно, что он только что нацепил косо сидевший у него на голове парик с длинными локонами. В его взгляде читалось удивление.

– Добрый день, сеньор. С кем имею честь?

– Мне следовало бы обидеться, что вы не узнаете меня, Пьер. Однако спишем на то, что, вероятно, вы с раннего утра заняты тем, что пытаетесь расшифровать неразборчивые каракули Эвелин или Бойля.

Лицо Бейля просветлело:

– Овидайя! Это вы, это действительно вы! Простите, но за последние десять лет у меня ухудшилось зрение. Мы ведь не виделись примерно столько, не так ли?

Действительно, в последний раз они встречались в 1675 году, во время какого-то торжества в Гринвиче.

– Да, Пьер. И не горюйте, у меня дела обстоят точно так же. В конце концов, десять лет не проходят бесследно.

– Чушь! Вы похожи на молодого Аполлона, ну, почти. Но что же вы стоите на ветру, входите!

Бейль провел его в гостиную по узкому, заставленному шкафами коридору. По крайней мере, именно этой цели эта комната служила изначально. Теперь же столы и шкафы стонали под весом бесчисленного множества писем и памфлетов. Они лежали повсюду, и Бейлю пришлось сначала убрать несколько стопок, чтобы они могли устроиться на шезлонге.

Он потер руки. Овидайя заметил, что они были в пятнах от чернил, как всегда.

– Простите за беспорядок, – произнес Бейль, – но мой дом является отражением состояния этого мира. Все, что происходит, описано в письмах. А сейчас происходит много всего.

Он попросил Овидайю подождать и вышел из комнаты, чтобы вскоре вернуться с бутылкой вина и двумя бокалами.

– Сейчас мне присылают даже жидкие послания. Это бордо прислал мой брат Якоб, да благословит его Господь.

Пока Бейль разливал вино, Овидайя произнес:

– Ваш брат по-прежнему во Франции? Разумно ли это?

Француз вздохнул:

– Нет, конечно же нет. Но он не хочет меня слушать. А ситуация тем временем ухудшается. Могу лишь надеяться, что у него все хорошо. Последнее письмо он прислал три месяца назад. Вы слышали о драгонадах?

– Нет. На некоторое время меня... вывели из игры. Что такое драгонада, скажите на милость?

Бейль протянул ему бокал вина.

– Вы знаете, как обеспечивают питанием и расквартировывают солдат в пути?

– Ну, в Англии офицеры идут в кабак, а простые солдаты располагаются у каких-нибудь крестьян.

Хозяин дома кивнул.

– Так и во Франции. Можете себе представить, что никто не будет рад, если у ваших дверей окажется рота немых солдат. Они съедают все в кладовой, топчутся в грязных сапогах по чистому полу и лапают служанок – если ведут себя хорошо.

Бейль отпил вина из бокала.

– Официально там по-прежнему действует Нантский эдикт, а значит, и свобода вероисповедания. Однако поскольку наш король, кажется, ничто не ненавидит с такой силой, как протестантов, он выдумал вот что: он посылает своих драгун квартировать в семьях гугенотов.

Заметив взгляд Бейля, Овидайя негромко произнес:

– Позвольте, я угадаю. Драгуны Людовика ведут себя далеко не так хорошо, как вы только что описали.

– Да, вы правы. Они бьют мужчин до полусмерти, насилуют дочерей и жен, забивают скот и в довершение нередко поджигают все – если только хозяин дома не изъявит искреннее желание немедленно перейти в истинную веру. Мои братья по вере живут в страхе перед этими драконами. Часто солдаты еще похищают детей.

– Но это же ужасно. Что с ними происходит?

– Их отвозят в монастыри, где воспитывают в духе католицизма. Со своими семьями они никогда больше не встречаются. За каждого ребенка даже платят деньги.

Бейль вздохнул.

– Сюда, в Роттердам, ежедневно приезжают новые гугенотские семьи. В Лондоне, Потсдаме и Женеве то же самое.

– Мне прискорбно слышать это, и мне стыдно за происходящее.

– Потому что вы католик? Глупости, Овидайя. Я знаю, что с вашей семьей случилось нечто сходное, только руководили всем протестанты. Эта инструментализация вопросов веры – самая обыкновенная чушь. Я намерен вскоре опубликовать трактат, в котором потребую строгого разделения государства и религии.

Овидайя не сумел сдержаться и захихикал:

– Абсурдная идея. Вы добьетесь только того, что вас захотят отправить на эшафот не только католики, но и кальвинисты.

Бейль пожал плечами:

– Возможно. Однако я в долгу перед здравым рассудком и иначе не могу. Но не будем о моих безумных идеях – что привело вас ко мне и почему вы не сообщили о своем приезде в письме? Тогда я подготовил бы для вас комнату.

– Это секретный разговор.

– Настолько секретный, что вы не можете доверить его бумаге?

– По крайней мере, в незашифрованном виде. Кстати, возможно, позднее мы сможем поговорить о новейших шифрах. Полагаю, что в этом вопросе вы *au courant*¹⁶.

– Совершенно верно. И даже чрезвычайно хорошо. Однако рассказывайте же.

И Овидайя Челон поведал своему другу о том, что произошло с ним в последнее время. Некоторые детали он опустил, особенно эпизод с бумагами Амстердамского банка. Когда он закончил, Бейль произнес:

– И вы действительно хотите взяться за это поручение? Мне кажется, оно приведет вас прямиком к Ферхат-аге.

– Кто это?

– Верховный палач Высокой Порты.

– Сомнений нет, опасность велика. Однако с учетом значительной суммы, которую предлагает мне Ост-Индская компания за добычу кофейных растений, история кажется мне необыкновенно привлекательной.

– Как-то не замечал я прежде, что вы считаете кражу привлекательной затеей, Овидайя, – с укором в голосе произнес Бейль.

– Какую такую кражу? С юридической точки зрения можно сказать, что растение никогда полностью не может принадлежать князю или султану, поскольку дано Господом. Поэтому нельзя считать кражей, если я заберу у этих язычников один-другой саженец.

– Да вы хуже иезуита-кляузника. Возможно, вы придерживаетесь точки зрения, что к югу от экватора десять заповедей перестают действовать?

¹⁶ Информированы (*фр.*).

Овидайя покачал головой.

– Пьер, считайте все это не кражей, а последовательностью научных задач: тем, что мы, англичане, называем проектом.

– Хм, я прочел недавно этот термин в письме одного моего друга, Даниэля Дефо, – вы не могли бы объяснить его мне подробнее?

– Конечно. Дефо говорит, что в нашу богатую изобретениями эпоху существуют очень большие задачи, состоящие из множества подзадач. На их выполнение иногда требуются годы, и нужно найти решение для каждой из них. Он говорит, что мы живем в эпоху, когда умные и дальновидные мужчины могут достичь многого – Дефо называет их прожекторами.

Бейль улыбнулся:

– Странное слово. И в этой краже вы прожектор, Овидайя?

– Думаю, Дефо скорее подразумевал строительство дорог или другие общественные мероприятия. Возможно, я именно таков. Однако несколько проясним ситуацию относительно моего проекта: мой заказчик, компания, хочет получить целые кофейные растения – это исходная ситуация. Я провел немало дней в Амстердамской библиотеке. Там, кроме прочего, хранятся отчеты о плавании Голландской Ост-Индской компании, а также копии дневников других купцов, миссионеров. Теперь на основании проведенных исследований я знаю, что нужно делать.

Овидайя подошел к маленькому секретеру, стоявшему в углу комнаты, взял лист бумаги и написал пером несколько слов, а затем вернулся на место.

– Как я выяснил, в удаленных от берега районах Мохи на высокогорьях находятся кофейные плантации. Их хорошо охраняют.

– Турки?

– Нет, какие-то вспомогательные восточные войска. Цель предприятия – попасть туда незамеченным.

Он показал на лист бумаги и подчеркнул первое слово: внедрение.

– И выбраться оттуда тоже нужно будет. – Овидайя подчеркнул второе слово на пергаменте: экстракция.

Бейль улыбнулся:

– Внутрь, украсть растение, наружу. У вас все звучит очень просто.

– Но это не так. Как уже было сказано, это проект, состоящий из множества задач, и для каждой из них нужно найти решение.

– Приведите мне пример, Овидайя.

– Что ж, как я уже говорил, вопрос заключается в том, как группе бледнолицых христиан незаметно попасть на кофейную плантацию, где полно мавров, и снова покинуть ее. И таких задач много. Я уже не первый день ни о чем другом не думаю, и чем больше я размышляю, тем больше вопросов у меня возникает. И большинство этих вопросов, как мне кажется, имеют не военную, а научную природу.

– Ах вот как?

– Да. Например, вопрос, как на протяжении нескольких дней перевозить нежные растения по жаркой пустыне, чтобы они не погибли.

– Кажется мне, эта проблема носит ботанический характер.

– Совершенно верно. И поэтому я пришел к вам.

Бейль показал на китайскую фарфоровую вазу на подоконнике, в ней стоял букет высохших тюльпанов:

– Вряд ли найдется что-то, в чем я разбираюсь меньше, чем в ботанике, дорогой Овидайя.

– Возможно, Пьер. Но вы знаете, кто из ботаников, во-первых, мог бы серьезно ответить на мой вопрос, а во-вторых, был бы готов участвовать в подобном безумии.

Бейль отпил вина.

– Вы правы. Не в том, что эта кража – хорошая идея. Но я признаю, что речь идет об интересной интеллектуальной задаче. Мы должны проанализировать все единичные аспекты этого предприятия, этого проекта, как вы его называете. И только тогда можно устанавливать, какие особые знания и умения необходимы вам, чтобы иметь хотя бы призрачный намек на успех.

Овидайя поклонился:

– Друг мой, вы, как всегда, точно указали, в чем заключается суть проблемы.

– А потом, – с отсутствующим видом произнес Бейль, – нам нужно будет найти людей, которые не только обладают нужными способностями, но к тому же еще и в отчаянии. Или безумны. Или и то и другое вместе.

Он поднялся со своего места и направился к одной из множества стопок бумаги.

– Идите сюда, Овидайя. Кажется, нам предстоит много прочесть и написать.

* * *

Три следующие недели Овидайя и его друг проводили то в маленьком домике Бейля, то в кофейне «Константинополь». И только когда все их члены немели от длительного чтения и письма, они немного прогуливались вдоль Мааса или брали напрокат лошадей и ехали к морю. Во время таких прогулок Бейль рассказывал своему английскому знакомому о том, что происходит в настоящее время во Франции и Голландии, в каких областях натурфилософии был и есть большой прогресс. Овидайя в свою очередь рассказывал гугеноту о том, как обстоят дела в ученых кругах Лондона. Он рассказывал Бейлю об оживленных дискуссиях, регулярно устраиваемых в «Гресиане» или у «Суона». Описывал некоторые сокровища других ученых, которые ему довелось посмотреть, – например коллекции пугающе больших зубов и костей, добытых в валлийских угольных шахтах, или коллекции очень древних монет, на которых были изображены портреты не Стюартов или Бурбонов, а Александра Великого или Юлия Цезаря.

Однако большую часть времени они проводили не в Голландской республике, а в «*République des Lettres*» в поисках решения проблем, стоявших перед Овидайей. Для этого англичанин пользовался обширной библиотекой Бейля, которая, однако же, состояла по большей части не из книг, а из писем. Иногда у него возникало ощущение, что весь дом гугенота состоит исключительно из исписанной бумаги.

Бывало, он не видел Бейля целыми днями. У его друга было много дел, в первую очередь из-за труда, над которым он работал, – «Чем на самом деле является наикатоличейшая Франция в правление Людовика Великого». Хотя его тут же запретили во Франции, в определенных кругах труд вызвал некоторый ажиотаж и привел к тому, что ему стали писать и задавать много вопросов, на которые гугеноту теперь нужно было ответить.

Целыми днями Овидайя, используя каждый лучик становившегося с каждым днем все более редким и кратким солнечного света, сидел в кресле у фронтального окна, изучая отчеты о путешествиях, дипломатические депеши и военные мемуары – все, что мог найти о турках. Затем он читал книги по ботанике и торговле пряностями. Однажды он как раз углубился в чтение одного пассажа в «Меркур Галант», когда услышал, что по лестнице спускается Бейль. Овидайя поднялся и потянулся. Несмотря на то что время было уже обеденное, его друг был одет в халат и зауженные на концах турецкие туфли.

– Ну что, Овидайя, что-нибудь нашли?

– Честно говоря, я натываюсь по меньшей мере на такое же количество вопросов, на какое нахожу ответы, Пьер. Хотя теперь я знаю маршрут, по которому движется кофе, в то же время я обнаружил, что турки используют сложную систему пропусков, чтобы следить

за путешественниками внутри своей страны. Они потребуются нам, если мы действительно пустимся в путь.

Бейль улыбнулся. Овидайя заметил, что в его карих глазах промелькнули насмешливые искорки.

– Что вас так развеселило?

– Сделать пропуска – на это вы уж точно способны.

Англичанин пожал плечами:

– Я мог бы сделать даже папскую буллу. Для этого мне нужен оригинал и, конечно же, познания в церковной латыни.

– И обе проблемы разрешимы.

– Да, но это был просто пример. В данном случае мне потребуются знания турецкого и арабского языков, а также более подробная информация по системе печатей на пропусках, которые наверняка не обнаружатся в ваших трактатах или письмах.

– Я могу сделать для вас хотя бы копию небольшого турецкого молитвенника, который недавно прислал мне друг из Алеппо. Я слышал, что в Амстердаме и Лондоне его уже поспешно перепечатавают. Но кто вам нужен на самом деле, так это знаток турецких обычаев.

– Совершенно верно. – Овидайя снова опустился в кресло. – Насколько вы продвинулись в отборе потенциальных кандидатов?

Вместо ответа Бейль протянул ему толстую пачку бумаги.

– Всего их чуть больше двадцати.

– Да это же небольшая армия. Я предполагал, это будет четыре-пять человек.

– Я знаю. Но мне показалось, что будет разумнее предоставить вам выбор побольше. Ведь я, несмотря на то что довольно хорошо информирован относительно вашего проекта, все же не могу прочесть ваши мысли. Поэтому кто-то из предложенных мной спутников может вам не понравиться. Кроме того, вам следует помнить о том, что многие откажутся.

Овидайя улыбнулся:

– Это кажется мне маловероятным. По крайней мере, если вы, как я и просил вас, подбирали лиц, склонных к авантюрам.

– Конечно, в меру своего разумения. Как вы знаете, ни с кем из этих людей я никогда не встречался, поскольку по причине своих политических и религиозных убеждений застрял здесь довольно крепко. Я даже не осмеливаюсь поехать в Намур или Льеж, не говоря уже о других местах. Я знаком с этими людьми только по переписке с ними или о них.

– С учетом того, что вы вот уже много лет занимаетесь почти исключительно тем, что пишете письма, я предполагаю, что вы можете понять о человеке по его письмам гораздо больше, чем из непосредственного разговора. Но я считаю, что сумма, которую получают участники в случае успеха, настолько велика, что даже святой Франциск не отказался бы, предложи я ему участие в этом небольшом разбойничьем набеге.

– Вы преувеличиваете.

– Ни в коем случае. – Овидайя слегка понизил голос. – Вчера, как вам известно, я был в здешнем филиале Амстердамского банка.

– И что же?

– Семнадцать открыли там счет на мое имя, и он полнехонек – я мог бы уже завтра купить в Текселе лодку для ловли сельди вместе с командой и капитаном, если бы пожелал.

Пьер Бейль сел на стул напротив Овидайи.

– Не забывайте, что за движениями по вашему счету наверняка пристально следят. И вы не можете замаскировать свои действия наличной оплатой, поскольку с недавних пор все сделки, сумма которых превышает шестьсот гульденов, должны быть подтверждены Амстердамским банком. Таков закон.

– Кажется, вы не одобряете моего внезапного богатства.

– Глупости. Просто я полагаю, что это золото – как дары данайцев. И хотя я по мере сил помогу вам, хочу сегодня еще раз посоветовать вам оставить это дело. У меня есть хорошие связи в Массачусетсе. Могу организовать для вас проезд на судне. Садитесь на него и скройтесь из виду, пока все не закончилось плохо.

Овидайя покачал головой. Удивительно, но при этом он сам себе показался похожим на упрямого ребенка.

– Я принял решение, Пьер.

– Вы хотите разбогатеть или погибнуть, пытаясь добиться этого. Что ж, как вам угодно. Но скажите мне, сколько получит каждый из ваших будущих спутников от Ост-Индской компании?

– Десять тысяч золотых дукатов.

– Господь всемогущий!

– Хорошая сумма, не правда ли? Чего бы ни хотел каждый корреспондент из вашей маленькой стопки бумаги, за такое количество золота они смогут это купить.

– А что получите вы, если позволите спросить?

– Пятикратную сумму.

– И что вы собираетесь делать с такими деньгами? Купите голландскую провинцию?

– Я скорее подумывал о недвижимости в Англии.

– Поместье Нортвик Манор. Бывшее имение вашего отца.

Овидайя кивнул.

– Я понимаю вас, друг мой. Никто не понимает вас лучше, чем я. Но...

– Но что?

– Если придерживаться правильной конфессии в неправильной стране – или в правильной неправильной, – вам не поможет все золото этого мира.

– Посмотрим. Если позволите, я просмотрю ваши предложения. Дозволено ли мне будет узнать, по каким критериям вы отбирали их, Пьер?

– С одной стороны, по вашим. Если я верно понял план, с учетом всей его схематичности, на данный момент вам потребуется знаток Высокой Порты, турецких нравов и обычаев, военный стратег, ботаник. Кроме того, человек, знакомый с левантийскими торговыми маршрутами и с активностью французов в тех краях. Наряду с этим вам потребуются люди, обладающие конкретными навыками: например человек, умеющий переодеваться придворным, пашой или кем угодно, а также кто-то, кто умеет обращаться со шпагой и пистолем. И наконец, вам понадобится капитан, который отвезет вашу маленькую экспедицию туда и вернет обратно.

Пьер Бейль сложил на коленях руки, как обычно, покрытые чернилами.

– Кроме того, я искал людей, которые показались мне склонными к авантюрам, а также тех, кто не побоится вступить в конфликт с законом. Еще я старался учитывать то, чтобы с ними было легко связаться.

– Вы имеете в виду, что у вас есть их адреса для корреспонденции?

Бейль обиженно приподнял левую бровь:

– Милый Овидайя, у меня есть адреса для корреспонденции практически всех, по крайней мере, всех интересных людей. Нет, вы же знаете, как мучительно долго может идти письмо. Поэтому я выбрал для вас людей, которые находятся либо в Англии, либо на континенте, в радиусе не более пяти сотен миль отсюда. Благодаря этому можно сократить риск.

– Какой риск?

– Конечно же, тот, что вас раскроют слишком рано. Насчет гранд-сеньора я бы не стал волноваться, он слишком далеко. Стоит подумать о шпионах «короля-солнца», которые все видят и все читают.

– Если сумеют расшифровать.

– Милый мой Овидайя, я знаю, что англичане все еще используют шифры, которыми во Франции стали бы пользоваться разве что двенадцатилетние девочки. Но на этом вы далеко не уедете. Месье Россиньоль, главный королевский криптолог, умеет читать очень сложные коды с той же легкостью, с какой большинство людей читают молитвенник.

– Не хочу обижать вас, Пьер, но возможно ли, что из-за своего личного опыта, поскольку вы гугенот и вас постоянно преследуют, вы немного драматизируете ситуацию? Черный кабинет Людовика тоже может прочесть не все, для этого писем слишком много. Кроме того, с тех пор как оказался в Нидерландах, я пользуюсь одним ухищрением, которое, возможно, поможет больше любого шифрования.

– Вы меня заинтриговали.

– Вся французская почта идет через Париж. Я стараюсь избегать этого маршрута, как чумы. А вот почтовая служба Священной Римской империи германской нации, как вам известно, организована семейством Таксис.

Лицо Бейля просветлело:

– Ах, кажется, я догадываюсь, как вы поступаете.

– И как же?

– Тогда Таксисы получили почтовые лены от императора в Вене и от испанских Габсбургов. Таким образом, за работой почтовой службы в Испанских Нидерландах тоже следят Таксисы. Но как вы получаете почту из республики в захваченных провинциях?

– Я плачу всаднику, который доставляет мою корреспонденцию прямо в Антверпен. Все знают, что почтовой системе Голландской республики можно доверять столь же мало, как французской и английской. Но габсбургская подозрений не вызывает. Возможно, конечно, что шпионы императора Леопольда читают мои письма...

– ...но они никогда в жизни не скажут и слова французам. Хорошая идея, нужно запомнить. Однако все это работает только в том случае, если письмо в конечном итоге не должно попасть в Париж или Лондон.

– Это я тоже учел. Просто письмо должно быть адресовано марионетке настолько не вызывающей подозрений, что ее почту не контролируют. По возможности в качестве адреса следует указывать кофейню, куда обычно ходят только верные правительству люди. Поэтому в Париже я использую «Прокопию», в Лондоне – «Грант». Кстати, это моя следующая цель.

– Вы собираетесь ехать в Лондон? Когда?

– Лучше всего на будущей неделе. Судя по всему, зима будет омерзительной. Мне нужно перебраться через пролив до того, как начнутся штормы и весь мир спрячется в загородные дома. Иначе я потеряю полгода.

– Неужели же вы не боитесь, что по возвращении вам станут вставлять палки в колеса?

– Вообще-то нет. Я буду путешествовать инкогнито. А насчет герцога Монмута мне все равно больше не о чем волноваться.

– Не стоит, это верно.

Бейль поднялся и передал бумаги Овидае.

– Пойду заберу несколько писем, оставив вас наедине с вашими потенциальными заговорщиками.

Овидайя кивнул и занялся бумагами.

* * *

Жувизи, 12 января 1688 года

Ваше величество!

Миновало несколько недель с тех пор, как ваше величество наполнили жизнь мою светом солнца и оказали незаслуженную милость личной встречи. Как ваше величество наверняка помнит, тогда мы обсуждали вопрос, что делать, чтобы получить дальнейшую информацию о статхаудере Голландии Вильгельме Оранском и его планах. Ваше величество интересовались, возможно ли, чтобы принц Вильгельм открыто выступил против Испанских Нидерландов или даже против Франции, как полагает ваш военный министр, маркиз де Лувуа. Или не воспользуется ли он оружием интриги, поскольку сравнивать его армию с армией вашего величества просто смешно.

Нижайше прошу прощения, что до сих пор так и не дал вашему величеству однозначного ответа, однако мне показалось, что будет разумнее сначала проверить это, поскольку в вопросах войны и мира предположения и ошибки недопустимы. Возможно, уже совсем скоро я смогу дать вашему величеству ответы, хоть и не окончательные. Двинет ли Вильгельм свои войска в ближайшем будущем, не ясно; однако же становится очевидным, что Оранский и его сообщники вполне могут пустить в ход интриги, чтобы навредить вашему величеству.

Ваше величество помнит, что наши шпионы наблюдают за действующим в одной из голландских провинций агентом-provokатором, англичанином по имени Овидайя Челон. Этот агент Голландской Ост-Индской компании, а тем самым де-факто и Вильгельма, в последнее время развернул бурную деятельность. В прошлом году он объездил полконтинента. Кроме того, побывал на нескольких крупных ярмарках, среди которых можно назвать Лейпциг и Стербридж. На данный момент он вернулся к себе на родину, в Лондон, где поселился под псевдонимом Невилл Риз неподалеку от Сейнт-Джеймс-сквер. Выдает себя за зажиточного дворянина из Кента. Его часто видели в порту, в кофейнях и тавернах, где он общался с капитанами и торговцами – с какой целью, сказать сложно. Вероятно, он просто использует эту возможность для того, чтобы быть в курсе происходящего на континенте.

Судя по тому, что довелось узнать нашим шпионам, этот Челон во время путешествий и на родине общался с лицами весьма сомнительного характера, некоторые из них являются заклятыми врагами Франции. Он регулярно встречается с этими мужчинами и женщинами, однако никогда со всеми вместе, только по одному и в разных местах. Кажется весьма вероятным, что эти люди, общим числом пять, образовали банду, очень сильную, цель которой, однако же, все еще туманна. Тем не менее ясно как божий день, что это группа заговорщиков под руководством Челона. Если теперь я сообщу вашему величеству, о ком идет речь, когда мы говорим о каждом из заговорщиков, вы поймете, почему я осмеливаюсь тратить ваше драгоценное время на эту аферу.

Первым в списке идет гугенот Пьер Жюстель, бывший слуга вашего правительства. Изучал греческую классику в Сорбонне, позднее был младшим секретарем одного из ваших министров, маркиза де Сенлей. Те, кто знаком с ним, описывают Жюстеля как умного молодого человека, хоть и еретика, однако остроумного; в отделе маркиза он выполнял задачу контроля левантских торговых маршрутов. После отмены Нантского эдикта

нахождение Жюстеля на государственной службе стало невозможным, по таковой причине его и сместили. Очевидно, после этого он перебрался в Англию и теперь работает в конторе канатной мастерской своего дяди в Спиталфилдсе, что, конечно же, является лишь прикрытием. Как теперь становится ясным благодаря его связи с Челоном, он планирует причинить вред вашему величеству, чтобы отомстить за несправедливость, жертвой которой, как полагает, он стал.

Второй из сообщников Челона – капитан по имени Кнут Янсен. Он родом из рыбацкой деревушки в Дании, Альтоны, и долгое время работал на Ганзейский союз, пока не попал под влияние голландцев. По их поручению он в прошлом, вооруженный *lettre de marque*¹⁷, каперствовал¹⁸ и неоднократно нападал на корабли вашего величества в Северном море. Наши агенты сообщают, что затем Янсен некоторое время находился за морем, вероятно в Батавии или Японии, но наверняка нам это не известно. Теперь же наши шпионы имеют возможность наблюдать его в компании с Челоном в одной из лондонских кофеен под названием «Ллойд», где они строят планы, склонившись над морскими картами.

Третья особа – женщина, именующая себя графиня Катерина да Глория э Орлеанс-Браганца. Я употребил слово «именующая», поскольку происхождение ее сомнительно. Сама она утверждает, что происходит из побочной ветви рода Браганца, того самого, из которого, как известно вашему величеству, происходит невестка английского короля Якова II. Однако поговаривают, что эта мнимая графиня происходит не из дворянского рода и не из Португалии. Один из наших шпионов, слова которого я привожу вашему величеству и прошу отнестись к ним *cum grano salis*¹⁹, даже утверждает, что она простолюдинка из Лигурии, которая когда-то путешествовала по деревням вместе с актерами комедии дель арте²⁰. Это может быть правдой, а может и не быть. Однако кажется очевидным, что в случае с графинею речь идет о прожженной мошеннице, которой уже неоднократно удавалось облегчить кошельки провинциальных английских дворян на значительные суммы денег. Для этого она использует различные имена, искусство переодевания и женское очарование. Последним госпожу да Глория Венера одарила в избытке.

Следующая особа, боюсь, слишком хорошо известна вашему величеству. Речь идет о графе Паоло Винченцо Марсильо, том самом болонском генерале, который когда-то состоял на службе у Габсбургов, за несколько лет до осады Вены был взят в плен османами и некоторое время жил среди них. Благодаря приобретенным там познаниям о быте и нравах турок его наняли венецианцы. В качестве секретаря посольства Марсильо сопровождал в Константинополь нового венецианского посланника Пьетро Чивана. Позднее, как наверняка помнит ваше величество, он состоял на службе у Франции и служил вам в войне против испанцев. Когда же под Кортрейком он безо всяких усилий сдал позиции врагу (приведя смешное

¹⁷ Каперское свидетельство (*фр.*).

¹⁸ Каперы – частные лица, которые с разрешения верховной власти воюющего государства использовали вооруженное судно (также называемое капером, приватиrom или корсаром) с целью захвата торговых кораблей неприятеля, а в известных случаях – и нейтральных держав.

¹⁹ С осторожностью (*лат.*).

²⁰ Комедия дель арте, или комедия масок, – вид итальянского народного театра.

оправдание, будто бы они все равно были бы захвачены и он просто хотел защитить своих солдат), маркиз де Лувуа с позором изгнал болонца из армии. Марсильо тоже сейчас находится в Лондоне и утверждает, что занимается ботаническими исследованиями. Вынужден признать, что его маскировка почти идеальна, ему принадлежат теплицы за пределами Лондона, он переписывается с учеными Королевского общества и недавно опубликовал трактат под названием «*Dissertatio de Generatione Fungorum*»²¹, короче говоря, он выдает себя за ученого. На самом же деле этот солдафон, судя по всему, представляет собой сторонника переворота и дает советы врагам нашего государства вроде Челона в военных вопросах.

Последний, с кем общается Челон, самый загадочный из всех и, если ваше величество позволит мне сделать это личное замечание, самый интересный для вашего покорного слуги – Давид бен Леви Кордоверо. С этим сефардом Челон переписывается уже несколько лет. Это тем более необычно, что в минувшие месяцы он отправлял и получал гораздо меньше писем, нежели раньше (полагаю, ради соблюдения повышенной осторожности с учетом задуманной крупной интриги). Однако сейчас он переписывается с Кордоверо практически каждую неделю. Я бы очень хотел сообщить что-нибудь вашему величеству относительно содержания этих писем, вот только не могу, поскольку эти двое используют совершенно новый шифр, расшифровать который у меня до сих пор не получилось. Припадаю к вашим ногам, сир, поскольку мои познания в криптологии не столь глубоки. Я со смирением вспоминаю своего отца Антуана, который долгие годы служил вам в той же должности, и спрашиваю себя, сумел ли бы он расшифровать шифр этих заговорщиков? К сожалению, в остальном об иудее Кордоверо нам известно мало. Нельзя сказать, чтобы он был неизвестен в *République des Lettres*. Вот уже многие годы он публикует натурфилософские сочинения в самых разных журналах, а в остальном Кордоверо похож на призрак. Никто никогда не видел его, и мы не знаем, где он живет.

Письма Челона ему адресованы не на частный адрес и не в кофейню, а в торговую контору в Палермо. По всей вероятности, оттуда некое доверенное лицо переправляет их Кордоверо. Однако мне кажется маловероятным, что корреспонденцию переправляют в другой город на Сицилии или в Неаполитанском королевстве: там практически не осталось евреев. Возможно, письма отправляют в Османскую империю: в незашифрованных частях встречаются намеки на это.

Я полагаю, что все это – и, думаю, ваше величество со мной согласится – очень тревожно. Однако же еще более тревожным, нежели эти встречи в Лондоне, является то обстоятельство, что указанные личности намереваются в ближайшее время переправиться в Голландскую республику. Судя по всему, Челон заказал для себя и четверых других соответствующие билеты и арендовал уединенное имение в голландской части Лимбурга. Очевидно, задумано нечто крупное. Однако я все же предлагаю вашему величеству продолжать наблюдение. Особенно интересно, с кем из проживающих в Нидерландах мятежников и еретиков будут контактировать Челон и его сообщники. С позволения вашего величества я попрошу

²¹ Доклад о происхождении грибов (лат.).

вашего государственного министра, маркиза де Сенлея, отправить в район Маастрихта одного из самых лучших своих людей, чтобы он самым тщательным образом наблюдал за заговорщиками и их действиями.

Ваш преданный слуга
Бонавентура Россиньоль

* * *

Для первой встречи, и Овидайдя понял это почти сразу, кофейня не подойдет. Лондон вообще казался ему неподходящим местом для этого. Если не встречаться в самой уединенной и отдаленной комнате в башне Тауэра, за ними повсюду могли наблюдать и подслушивать. Кроме того, с момента воцарения Якова II на престоле большинство англичан стали полагать, что столицу наводнили французские шпионы и подстрекатели-иезуиты. Овидайдя достаточно хорошо знал эти слухи, это была самая обычная протестантская паранойя на тему всемирного католического заговора, но доля правды в этом была. Новый король был еще слабее старого, и одному господу было известно, кто находится в Лондоне и самым тщательным образом записывает все, что слышит и видит, а затем, зашифровав, отправляет в канцелярию Вены, Парижа или Амстердама. Нет, лучше встречаться за пределами города.

Вот уже полчаса он ехал на запад. Оставив позади Лондон и его предместья, он скакал верхом на своем белом жеребце по дороге Роттен-роу, которая на самом деле называлась *Route de Roi*²² и проходила к югу от Гайд-парка. Еще через полчаса он проехал деревню под названием Хеммерсмит. За ней открывались бескрайние просторы. Дорога пролегла среди невысоких холмов, иногда встречались уединенные хутора. И больше ничего. Дальше было не совсем безопасно ехать одному по открытой местности. Если верить тому, что рассказывали в кофейнях, на дорогах в Оксфорд и Ридинг с недавних пор вовсю орудовали грабители. Однако Овидайдя не слишком переживал. Во-первых, он путешествовал днем, а во-вторых, английские разбойники, в отличие, к примеру, от тех же французских, в целом были людьми вежливыми. Отдашь им полный кошелек – и в обычной ситуации они отстанут от тебя, отвесив лишь пару затрещин и пожелав хорошей дороги. Поэтому он вез с собой сумку с несколькими шиллингами и гинеями, хотя на встрече она ему вряд ли понадобится. Если ее отнимут, он просто обратится к своему счету в Амстердамском банке. Он был похож на кувшин с вином из одной немецкой сказки, кредит его там казался просто неисчерпаемым, по крайней мере до сих пор.

Доехав до перекрестка, Овидайдя свернул на дорогу в сторону Аксбриджа. Нужно было не пропустить небольшой поворот, который описал ему в своем последнем письме Марсильо. Речь шла об обыкновенной тропинке, наполовину скрытой высокими кустами шиповника. Направив коня по чуть уходящей в гору дороге, примерно через милю он заметил поместье. Построено оно было, скорее всего, во времена королевы Елизаветы – всего три коттеджа, расположившихся за небольшой изгородью, на них на всех были те острые фронтоны и соломенные крыши, которые так любили в то время. За ними располагался особняк из красного кирпича с дверью в форме арки и аккуратной башенкой. Еще здесь была конюшня и два странных длинных дома, почти полностью из стекла, – наверное, это и есть те итальянские изобретения, о которых он читал, те самые *Giardini botanici*²³, где генерал выращивает свои растения.

²² Королевский путь (*фр.*).

²³ Ботанические сады (*ит.*).

Овидайя проехал в проем в изгороди, мимо искусственного пруда, от которого расходилось несколько каналов. Он заметил, что сад сильно контрастирует с остальными частями имения. Он был гораздо новее и разбит, согласно современнейшим законам, большими четырехугольниками: симметрично заложенные грядки и как по линейке протянутые боскеты. Все дорожки проходили под прямыми углами. Всюду была заметна работа упорядочивающего и планирующего разума великого садовника.

Стоило ему выехать на площадку перед особняком, как навстречу ему бросился конюх, поклонился и молча увел его белого жеребца прочь. Пока он отряхивал пыль с одежды, навстречу ему из арки вышел еще один мужчина, верзила в потрепанной ливрее. На голове у него был парик, ужасно немодный. Тем не менее расшаркался он перед Овидайей по всем правилам. Выпрямившись, он произнес:

– Добро пожаловать в поместье Бедфонт Манор, милорд. Если вы последуете за мной, я покажу вам вашу комнату. Его светлость ожидает вас и остальных к четырем часам в большом зале. Около шести запланирован ранний ужин, если милорду будет угодно.

Овидайя с некоторым недоумением отметил, что Марсильо не стал дожидаться, как он спланирует встречу, а, судя по всему, разработал собственный сценарий.

– Остальные уже прибыли?

– Мистер Жюстель уже здесь, милорд. Больше никого.

– Хорошо. Вы могли бы кое-что сделать для меня до встречи?

– Конечно же, я к услугам милорда.

Овидайя отстегнул кожаные тубы длиной более трех футов, которые вез через плечо, и протянул лакею:

– Отнесите это в салон и позаботьтесь о том, чтобы карты, которые находятся внутри, повесили на стене. Кроме того, мне понадобятся мел и доска.

– Непременно, милорд. Однако граф Марсильо хотел сначала...

– Передайте ему, что для моего доклада по натурфилософии очень важно наличие этих предметов, – произнес Овидайя. – Тогда он наверняка не станет возражать против перестановки в салоне.

На лице лакея отчетливо читалось огорчение, однако он молча взял тубы и поклонился, а затем передал Овидайю заботам служанки, которая провела его в подготовленную для него комнату. Внутри особняк выглядел несколько запущенным. Снаружи он поначалу не заметил этого, однако теперь стало ясно, что во многих местах плитка потрескалась, штукатурка на потолке и стенах кое-где осыпалась или намокла. Обставляли особняк словно еще во времена правления Генриха VIII: с картин на Овидайю смотрели перекошенные физиономии, на стенных коврах были изображены рыцари с пиками и моргенштернами²⁴. Кроме того, кое-где попадались доспехи, выглядевшие так, словно их действительно кто-то носил.

Когда служанка оставила его в комнате одного, Овидайя разобрал свои дорожные сумки и умылся из кувшина, стоявшего на буфете. Седельные сумки конюх уже принес наверх. Из них Овидайя вынул простые черные бриджи, шелковые чулки, сшитый по последней моде полукафтан с соболиной оторочкой, купить который еще год назад он ни за что не мог бы себе позволить. «Будь благословенна Голландская Ост-Индская компания», – подумал он. До сих пор она не призывала его быть экономнее, да и зачем? Конечно, за минувшие шесть месяцев он потратил больше денег, чем за предыдущие пять лет, однако в целом сумма, пожалуй, была ниже той, которую тратил начальник среднего звена на еду и шлюх.

Взяв сморщенное яблоко, лежавшее в миске у кровати вместе с несколькими апельсинами, он впился в него зубами. Фрукт оказался скорее кислым, нежели сладким, но вкус был

²⁴ Холодное оружие ударно-дробящего действия в виде металлического шарика, снабженного шипами. Использовалось в качестве наваршия палиц или кистеней. (Примеч. ред.)

довольно изысканным. Возможно, его вырастил сам Марсильо. Съев яблоко, Овидайя сел перед шифоньером с зеркалом и убедился, что парик сидит как полагается, и только после этого направился в салон.

Пожалуй, слово «салон» в качестве описания комнаты, в которой должна была состояться встреча, могло ввести в заблуждение. Речь шла скорее о большом зале в задней части здания с маленькими, высоко расположенными окнами из свинцового стекла и самыми разнообразными охотничьими трофеями, висевшими на стенах. Стены и пол были из голого камня, и только войдя в комнату, Овидайя почувствовал, что огромного камина в другом конце комнаты не хватит для того, чтобы прогнать вечерний холод, который скоро начнет заползать сквозь щели в ставнях и прорехи в крыше. Значительную часть комнаты занимал огромный стол. Можно было вообразить себе, как за ним заседали дворяне минувших веков, пили эль из оловянных кубков, под звуки лютни вырезали кинжалами ароматные куски из жареных фазанов и кабанов.

Марсильо предпринял попытку устроить у камина несколько более современную обстановку. Вокруг потрескивающего огня стояло несколько шезлонгов и кресел, на полу лежали толстые персидские ковры. Над камином висела огромная картина маслом, на которой был изображен город, состоявший, казалось, из одних только башен, высоких и тонких, несколько напоминавших минареты. Поскольку Марсильо был родом из Болоньи, Овидайя предположил, что, возможно, на картине изображен родной город генерала.

Вдоль стен стояли огромные шкафы, при виде содержимого которых сердце Овидайи забилося сильнее. Как и он сам, Марсильо был ученым, и, судя по всему, это было частью его коллекции. Здесь была чудесная перламутровая модель Солнечной системы, способная симулировать движение Солнца, Меркурия, Венеры, Земли и Луны; несколько черепов странной формы, отдаленно напоминавших человеческие; насаженные на булавки насекомые гигантских размеров; и вдобавок ко всему – весьма значительная коллекция минералов и полудрагоценных камней самых разных видов. Особое внимание Овидайя обратил на светлый камень, удивительным образом светившийся в полумраке большого зала. Мужчина взял его в руки и присмотрелся: камень светился зеленым. Что это – химическая реакция?

Марсильо и Жюстель сидели в креслах с высокими спинками, держа в руках бокалы с вином. Казалось, они очень веселы и довольны. Овидайя услышал, как громко захохотал Марсильо. Поскольку они сидели спиной ко входу, они еще не заметили его прихода.

Пьер Жюстель был красивым молодым человеком, высоким и стройным. Благодаря огненно-рыжим волосам гугенот мог бы легко выдать себя за ирландца. Одет он был в костюм, очень простой, без вышивки, сшитый, однако, из тончайшего гугенотского батиста. Жюстель ободряюще улыбался генералу, в то время как тот, судя по всему, шутил из всех сил. Марсильо был похож на медведя, раза в два тяжелее Жюстеля и вдвое старше. Рассказывая о чем-то, итальянец описывал в воздухе круги трубкой, которую сжимал в левой руке. Держа ее мундштуком от себя, он то и дело тыкал ею вперед, словно рапирой. Только пройдя половину комнаты, Овидайя услышал, о чем говорят они оба.

– А каким образом вы заполучили это поместье, дорогой граф?

– Владелец, лорд Бедфонт, офицер и мой старинный знакомый, сражается на севере с какими-то мятежниками. И поскольку он, говоря между нами, близок к разорению, он передал мне Бедфонт Манор до своего возвращения. За это он получил от меня кое-какие деньги, кроме того, я забочусь о его саде. Бедфонт разделяет мою страсть к ботанике, а еще он боится, что в его отсутствие все, что он с таким трудом сажал, погибнет. И нельзя сказать, что его опасения совершенно беспочвенны, поскольку он в отъезде вот уже два года.

– Быть может, он мертв?

– Нет, каждые пару месяцев его управляющий, мистер Дайсон, получает письмо из окрестностей Лидса, где квартирует полк Бедфонта. А я тем временем довольно уютно

устроился здесь, если можно так сказать с учетом этих временных мер, – и он махнул рукой, указывая на шезлонги и кресла.

– Некоторый ремонт действительно не помешал бы, – произнес Жюстель, вынимая из рукава серебряную табакерку.

– Для этого у хозяина дома не хватает денег, что является одной из причин того, что сейчас он находится в Йоркшире и рискует собственной жизнью. Надеется поправить свое материальное положение.

– Вы общаетесь с соседями?

– К счастью, нет. Не хватало еще связываться с такими людьми!

– Но почему же?

– Мой юный друг, заметно, что вы в Англии недавно. Пригласить в свой дом католика-итальянца – для обычных поместных дворян это все равно что ужинать с собственными крепостными. Управляющий тоже наблюдает за мной, словно Аргос Паноптес²⁵. Думаю, он опасается, что я наставлю повсюду статуй Девы Марии, если его хозяин не вернется в ближайшее время. – И Марсильо громко расхохотался.

– Рад встрече с вами, джентльмены, а также тому, что вы пребываете в столь прекрасном расположении духа.

Когда Овидайя заговорил, оба мужчины обернулись к нему и поспешно поднялись.

– Овидайя Челон! – пророкотал Марсильо. – Добро пожаловать в мою скромную хижину, сэр.

Жюстель поклонился:

– Приветствую, месье Челон. Мы уже размышляли о том, в чем заключается особенность этих планов, которые повесили на стену.

– Как только мы все соберемся, я раскрою эту тайну, почтенный месье Жюстель. Но не ранее.

Марсильо похлопал его по плечу:

– Но присаживайтесь же пока с нами, выпейте бокальчик. Что это у вас в руке?

– О, прошу прощения, генерал. Это камень из вашей коллекции, который я рассматривал. Должно быть, забыл положить его на место. Что это за минерал?

– *Lapis bononia*, – ответил Марсильо. – Он светится в темноте.

– А я уже начал думать, что мне это привиделось.

– Нет, он действительно светится. Признаю, весьма слабо, но если положить его днем на солнце, то ночью он будет светиться, словно светлячок. Можете оставить его себе и испытать его свойства.

– Что вы, я не могу принять такой подарок.

– Полно вам. Не зря ведь он называется болонским. Дома у меня их целая гора в самом прямом смысле этого слова.

Овидайя поблагодарил хозяина и положил *lapis bolonia* в карман. Все трое сели у камина и выпили по бокалу отличного портвейна; по словам генерала, он был сделан в имении, которое поставляет вино даже королевскому дому. Тем временем они обсуждали новейшие известия из Лондона и Парижа. Жюстель, обладавший наиболее полной информацией о событиях во Франции, рассказал, что Людовик Великий приказал построить в Люксембурге и других местах новые оборонительные сооружения, чтобы защитить свои внешние границы от Аугсбургской лиги – союза Австрии с Испанией, Швецией и Баварией. А Марсильо слышал от одного из своих корреспондентов, что венский император продолжает гнать турок и собирает большое войско, чтобы осадить столицу Венгрии, Буду. Болонец как раз собирался поведать им, как он сказал, «в высшей степени потешную историю» о любимом

²⁵ В древнегреческой мифологии многоглазый великан; в переносном смысле – неусыпный страж.

коне османского Великого визиря Сари Сулейман-паши, когда большие двери в противоположной стороне зала открылись и в комнату вошел худощавый лакей.

– Месье, имею честь объявить о прибытии графини Катерины да Глории и мистера Янсена.

И, довольно элегантно четвертьпируэтом отойдя в сторону, он уступил место вновь прибывшим. Благодаря информации, полученной Овидаей от своего друга Пьера Бейля, он не думал, что Катерина да Глория действительно является португальской графиней. Однако если бы он встретился с ней без предубеждения, поверил бы безоговорочно. Женщина, которой было вряд ли более двадцати пяти лет от роду, шла по залу с такой грациозностью, что у сидевших у камина мужчин захватило дух. Они были настолько потрясены ее появлением, что едва не забыли встать и поклониться. Лицо у графини было безупречным, цвета слоновой кости, черты лица – тонкими, как у аристократки. А ее платье! На его фоне остальные присутствующие казались похожими на нищих. Оно было сшито из кремового сатина, украшено дюжиной жемчужин и стянуто сапфировыми агравами. Рукава украшали многочисленные кабошоны из лунного камня. Она будто подплыла к камину; за ней тянулся длинный шлейф, тоже кремовый и украшенный множеством кружев. Но самым примечательным у графини был ее искусно уложенный парик. Ее большой головной убор из кружев был карамельного цвета. Каждый из *confidants*, как называли маленькие локоны возле ушей, представлял собой небольшое произведение искусства, кроме того, по цвету они были чуть темнее всего остального. Когда Катерина да Глория сделала реверанс у камина, Овидаей увидел, как дрогнули локоны на ее затылке, *crève-cœur*²⁶, как называли эту часть парика французы-сердцееды. Сомнений быть не могло: графиня способна была разбить мужские сердца.

Прежде мошенница не надевала настолько поразительных нарядов, поэтому он совсем не заметил Янсена, шедшего за графиней, словно телохранитель. Датчанин был человеком невысоким, росту в нем было едва ли пять с половиной футов, и тем не менее с первого взгляда было видно, что с этим человеком следует быть начеку. Янсена нельзя было назвать мускулистым, он был скорее сухощав, а его легкий пружинящий шаг напомнил Овидае движения кулачного бойца. Если кто-то не придавал должного значения таким деталям, всегда оставался меч с корзинчатой гардой, висевший у него на боку, а также огромное ружье, которое выглядывало из-за спины. Поразительно большие бакенбарды украшали его гладко выбритое лицо, а одежда его была настолько же простой, насколько роскошной она была у графини.

Поскольку теперь они собрались все, генерал хотел было произнести небольшую речь, однако Овидаей опередил его:

– Добро пожаловать, благородная леди, почтенные джентльмены! Позвольте приветствовать вас здесь, в поместье Бедфонт Манор, которое столь великодушно предоставил в наше распоряжение граф Марсильо.

Он кивнул генералу и быстро продолжил, пока тот не успел вмешаться:

– Полагаю, что позже мы будем ужинать все вместе. Тем более важным кажется мне обратиться в первую очередь к делам. Как только слуги принесут нам напитки, мы сможем расположиться за большим столом.

– У камина будет уютнее, – вмешался граф.

– Да, но, поверьте, нам понадобится много места.

Вскоре после этого они расположились вокруг стола, перед каждым стоял бокал бургундского. Все четверо смотрели на Овидаю в ожидании.

– Как вам известно, мы хотим кое-что украсть.

²⁶ Разбитое сердце (*фр.*).

Овидайдя опустил руку в сумку, висевшую у него за спиной на спинке стула, и выудил оттуда книгу.

– А именно: вот это.

На странице был рисунок, изображавший ветку и несколько расположенных друг напротив друга пар листьев. Листья несколько напоминали лавровые. У черенка видны были небольшие круглые плоды. Все склонились вперед, чтобы рассмотреть растение. Марсильо разглядывал его пристальнее всех. Мгновение все молчали, а затем первым обрел дар речи Янсен:

– Дерево пряностей?

– Да, но не просто пряностей. Это рисунок, который я нашел в книге «*La voyage de l'Arabie*»²⁷. Речь идет о кофейном кусте.

Графиня подняла бровь:

– Кофейные орехи растут на кустах?

– Кофейные бобы, если быть до конца точным, графиня, – произнес Жюстель и мило улыбнулся ей.

Овидайдя кивнул:

– Тот самый кофе, который мы все так любим, как вам известно, готовят из бобов, которые жарят на сковороде, а затем измельчают в порошок в ступке или мельнице.

Сунув руку в карман сюртука, он достал несколько кофейных зерен.

– Вот так они выглядят до обжаривания.

Янсен хмыкнул, однако ничего не сказал. Овидайдя пристально поглядел на него:

– У вас есть вопрос, сэр?

– Да, тот же, что и у всех, полагаю. Склады в Гамбурге и Амстердаме полны такого добра. Почему они должны чего-то стоить?

Овидайдя поднялся, однако остальных попросил остаться на местах.

– Чтобы ответить на ваш вопрос, я попрошу вас всех посмотреть на карту у меня за спиной. Месье Жюстелю и Янсону она наверняка знакома, это карта Леванта и Аравии из «*Zee-Fakkel*» Иоганна ван Кёлена, из атласа, с которым сверяются все торговцы и моряки. Кофе, который вы пьете каждое утро в салоне или в кофейне, растет только здесь.

Он постучал пальцем по точке на юго-западе Аравийского полуострова:

– Битлфаки.

Графиня прикрыла рот рукой в перчатке. Жюстель склонил голову набок:

– Прошу прощения, сэр? Вы сказали...

– Битлфаки, совершенно верно. Так называется главный перевалочный пункт сырого кофе к северо-востоку от портового города Моха.

Генерал кашлянул:

– Могу ли я кое-что прояснить?

– Прошу вас, – произнес Овидайдя.

– Мы все обычно произносим арабские слова неправильно, поскольку звуки, которыми пользуются эти язычники, труднопроизносимы. И никто, если позволите пошутить на ваш счет, не уродует иностранные слова хуже, чем англичане.

Овидайдя вежливо улыбнулся.

– Место, которое мистер Челон называет Битлфаки, на самом деле называется Бейт-аль-Факих.

Гортанные звуки арабского языка легко слетели с губ Марсильо.

– Благодарю за помощь, генерал. Маршрут, по которому следует сырой кофе, следующий: его собирают в окрестностях Мохи, оттуда перевозят морем в Суэц и верблюдами –

²⁷ Путешествие в Аравию (фр.).

в Александрию. Там, в египетских складах, кофейные бобы закупают торговцы из Франции и Венеции. Как вы наверняка понимаете, все названные места находятся под контролем турок. Урожай собирается в Битлф... Бейт-аль-Факихе, там же высушивается. Сами плантации кофе находятся дальше к востоку. Больше нигде этот куст не растет. Поэтому, если хочешь украсть кофейное растение, нужно попасть туда, – произнося это, он указал на пустое место на карте, обозначенное красной точкой.

Он заметил сомнение во взгляде Янсена и поспешно продолжил:

– Вопрос, конечно, заключается в том, зачем вообще красть это растение. Ответ можно обосновать тем, о чем я уже говорил. В настоящее время производство полностью контролируют турки. Гранд-сеньор постановил, что всякого, кто попытается вывезти из его империи хоть одно растение, ждет смерть. Насколько серьезны османы в этом вопросе, демонстрирует следующий декрет. Смертная казнь полагается даже за вывоз плодов кофейного дерева.

– Разве вы только что не говорили, что речь идет о бобах? – переспросила графиня.

– Так называют их в народе, однако, как наверняка смог бы объяснить наш весьма сведущий в ботанике хозяин, речь действительно идет о зернах плодов. Дело в том, что боб, который арабы называют «бунн», окружен мякотью. Вот, посмотрите на рисунок.

И Овидайя показал кофейный плод в разрезе.

– Турки устроили так, что все плоды кофейного дерева после сбора варят в больших чанах, чтобы кожура и мякоть отстали от зерен.

– Зачем? – спросил Жюстель.

– Потому что таким образом зерна становятся бесплодными, – ответил Марсильо. – Я уже не первый месяц пытаюсь вырастить в своих теплицах саженцы из зеленых кофейных зерен, полученных из самых разных источников. Все тщетно.

– Сделанные бесплодными бобы или зерна приобретают в Александрии венецианские или французские торговцы, причем венецианцы все больше и больше отстают. С согласия гранд-сеньора торговля кофе фактически полностью осуществляется лучшими друзьями Порты в христианском мире – французами. Наш наниматель полагает, что, заполучив собственные растения, смог бы пресечь монополию этого неблагословенного союза.

– А кто наш заказчик? – спросила графиня.

– Этого вам знать не нужно.

Она поглядела на него, широко раскрыв свои большие карие глаза. Вероятно, большинство мужчин от подобного просто таяли.

– Мне всегда необходимо знать, на кого я работаю, мистер Челон.

– Честно говоря, с учетом размера премии, которая полагается вам в случае успеха, графиня, в этом нет необходимости.

– Неужели? Удивите меня, месье.

– Десять тысяч золотых дукатов каждому, если мы похитим достаточное количество кофейных растений и в целости и сохранности доставим их к месту назначения.

– Которое находится где? – спросил Жюстель.

– Порт на севере Европы. Точнее вы узнаете, когда растения будут у нас.

На миг воцарилась тишина. Овидайя увидел, что каждый из присутствующих мысленно пытается себе представить, как поступить с огромной суммой, которую он только что назвал.

– Кто-нибудь хочет отказаться? – спросил Овидайя. – Момент сейчас как нельзя более подходящий.

В комнате стало еще тише. Слышно было лишь потрескивание дров в камине.

– Превосходно. В таком случае я предлагаю немного перекусить, прежде чем мы перейдем к подробностям.

Все поднялись со своих мест, чтобы дать слугам возможность накрыть на стол и принести блюда. Жюстель предложил руку графине и хотел проводить ее к камину, однако Марсильо опередил его. Пока все трое удалились, а Овидайя складывал свои книги, Кнут Янсен встал у стены, широко расставив ноги и рассматривая карту. Достаточно громко, чтобы Овидайя сумел услышать его слова, он прошептал:

– Так-так, значит, тайное поручение.

Затем он засопел и добавил по-голландски:

– *Vergaan onder corruptie*.

Гибель из-за коррупции. Так интерпретировать сокращение названия Голландской Ост-Индской компании было довольно безвкусной шуткой, однако Овидайя понял, что по крайней мере Янсен точно знает, кто является их нанимателем. Остальные, вероятно, тоже догадываются. Однако это не важно. По крайней мере, на это стоило надеяться.

* * *

Овидайя зевнул и сделал еще глоток кофе. Они проговорили о своем небольшом похищении до полуночи. Когда все самые важные вопросы удалось прояснить, генерал Марсильо в честь такого праздника приказал подать крепкий пунш в чаше размером с череп быка. Потом итальянец произнес свою заготовленную речь, которую ему не давали возможности произнести на протяжении целого вечера. Овидайя при всем желании уже не мог вспомнить ни единой детали. Тем лучше отпечаталось у него в памяти, как Янсен и Жюстель опрокинули тяжелую хрустальную чашу с пуншем, чтобы допить последние капли. От одной мысли о запахе, этой смеси сахара, лиметты и ямайского рома, ему стало дурно. Кроме того, он смутно припомнил, что по пути в комнаты графиня шептала ему на ухо всякие двусмысленности. Овидайя не стал ее слушать. По крайней мере, так он решил, исходя из того факта, что проснулся поутру в обществе исключительно жуткого похмелья.

Он сидел за небольшим столиком у камина и изучал карту Аравийского полуострова, когда дверь распахнулась. Его обдало ледяной волной воздуха, и он инстинктивно положил руки на карту. Если бы не удержал ее, Аравия, чего доброго, взлетела бы в воздух, словно ковер-самолет, и, возможно, приземлилась бы в потрескивающем камине в двух метрах от него.

Генерал Паоло Марсильо был еще не брит, его длинные, почти седые волосы свисали на плечи, накрытые шелковым халатом, на ногах красовались турецкие туфли. Поглядев на Овидайю заплывшими водянистыми глазами, он пробормотал приветствие и протянул ему что-то круглое и красноватое.

– Доброе утро, генерал. Это ваш первый гранат?

– Да, он самый. Попробуем?

Овидайя кивнул, отложил карту в сторону и пригласил Марсильо присесть рядом с ним. Болонец со стоном опустился. Вынув из ящика стоявшего рядом столика кривой кинжал, он принялся резать гранат.

– Вынужден признаться, что сегодня утром я на улицу еще не выходил. Там по-прежнему ужасно холодно?

Начинался апрель, но было холодно. Вся Англия много месяцев замерзала. На континенте, и об этом было известно на основании изредка приходивших писем, ситуация едва ли была лучше. Движение товаров практически замерло, поскольку по Рейну, Эльбе и Темзе могли ходить только приспособленные для колки льда суда. В начале марта стало казаться, что весна постепенно вступает в свои права. Снег исчез, люди устраивали праздники. Они танцевали в грязи на улицах и полях, радуясь тому, что время снега и льда миновало.

Однако столь неуважительное поведение, по всей видимости, разозлило зиму, поскольку неделю назад она как будто началась снова. Снег не шел, однако все замерзло: и лужи, и небольшие стоячие пруды, образовавшиеся повсюду, и Темза со всеми ее многочисленными притоками.

— От теплицы до дома я бежал бегом, а там рукой подать. И вот ног почти не чувствую. Я ответил на ваш вопрос?

Овидайя молча кивнул. Невольно вспомнил, как Хук измерял температуру, и мысленно отругал себя за то, что перестал по утрам делать замеры термометром. Что ж, ему нужно было прояснить вопросы, которые важнее средней температуры в Уорвике или Саффолке.

Кинжал Марсильо со скрипом разрезал фрукт, на карту, лезвие и руки хозяина дома брызнула красная жидкость. Он взял половинку фрукта и протянул Овидайе. Тот принял ее и откусил. Генерал наблюдал за ним.

— Можете ничего не говорить. Лицо у вас перекошенное. Слишком кислый, я прав?

— Он действительно не настолько сладок, как ожидаешь от граната. Я думал, ваш ботанический сад отапливается.

— И это так. Причем равномерно. По указанию нашего гения из Гааги я приказал установить не только угольную печь, но еще и медные трубки, которые проходят между грядами. Они служат не для орошения, нет, по ним циркулирует нагретая печью вода.

Под «гением» Марсильо, без сомнения, подразумевал знаменитого натурфилософа Христиана Гюйгенса, с которым Овидайя связывался через Ост-Индскую компанию. И, обращаясь к генералу, он произнес:

— Простите меня за прямоту, но почему тогда этот фрукт столь несъедобен? Разве в таком случае он не произрастает в вашем ботаническом саду при тех же условиях, которые имеются у него в южных краях?

— Этот господин Гюйгенс — человек очень талантливый. Но пока он не придумает аппарат, который повторит свет солнца, этого важного ингредиента будет не хватать. Любой, по крайней мере любой итальянец, знает, что гранаты, а также апельсины и финики особенно сладки, если солнца много. Ваш соотечественник, Неемия Грю, пишет об этом в своей «Анатомии растений». Однако мне кажется, что для того, чтобы подарить этой жутко дождливой Англии больше солнечных лучей, потребовалось бы Божественное вмешательство.

— А что насчет нашего кофейного растения, генерал? Этим плодам тоже нужно большое количество солнца?

— Что ж, они ведь растут в Аравии.

— Однако же на высокогорье. Там может быть достаточно прохладно. Кроме того, я слышал, что Людовик Великий велел привезти в Версаль десять тысяч апельсиновых деревьев и более сотни его садовников круглый год поддерживают цветение определенной их части. Значит, это должно быть возможно.

Марсильо пожал своими широкими солдатскими плечами:

— Вряд ли мне нужно объяснять вам, что ботаника, как и вся натурфилософия, в конечном итоге основывается на накоплении познаний через опыт. Если наш друг Гюйгенс намеревается измерить скорость света, он делает это посредством экспериментов. Так и нам придется выяснить, как ведет себя кофейное растение, если поместить его в теплицу.

— Однако для этого нам нужно его сначала получить, — вздохнул Овидайя.

С верхнего этажа послышалась возня. Судя по всему, кто-то из гостей только что встал.

Марсильо резко наклонился вперед:

— Я должен поговорить с вами. Наедине, пока не спустились остальные.

— Прошу вас, генерал.

— Я считаю ваш план реальным, и я об этом вам уже говорил. Только вот... есть две вещи, которые меня тревожат. И обе они касаются бытия гераклидов.

Гераклиды, сыновья Геракла. Это понятие придумал Пьер Жюстель, опьянев от пунша.

«Геракл поехал к Гесперидам, чтобы украсть у королев нимф золотое яблоко, – декламировал он, подняв бокал. – Разве масштабы нашей кражи несопоставимы с этим? Мы украдем у властелина мира его самое драгоценное растение, вино ислама, Черного Аполлона! Мы – гераклиды! За нас!»

После этого все выпили еще по чашке пунша и весь вечер поминали гераклидов. Овидайя не стал возражать против этого понятия, хотя оно казалось ему дурацким. Однако, пока никто не думал называть его Гераклом, ему было все равно.

– Нас, генерал? Вы не могли бы выражаться яснее?

Снова возня. Встал еще кто-то.

– Я не уверен, что мы в полном составе, Овидайя. Я знаю, что комплектацией группы занимаетесь вы. Однако, как вам известно, по долгу службы мне поручали собирать необходимые для каждой операции войска в различных армиях.

– Понимаю. Что ж, полагаю, Кордоверо присоединится к нам позже. Его способности и связи могут нам очень пригодиться. Он бегло говорит по-арабски и выглядит – по крайней мере, я так полагаю – даже немного по-восточному: говорят, среди его предков были мавры.

Марсильо покачал головой:

– Нет, я о другом. У нас есть торговец-гугенот, мастерица перевоплощений, капитан, этот загадочный португальский еврей, о котором вы только что говорили, и ученый, то есть вы, – он слегка поклонился, – а также старый солдат, ботаник и знаток турок. Однако кое-чего не хватает.

– И вы снова говорите довольно туманно, друг мой.

– Прошу прощения. Я полагаю, что вы собрали группу из потрясающих талантов, и все же мне кажется, что нам потребуется еще один важный талант. Однако я не знаю какой. Называйте это интуицией, шестым чувством, если хотите. Игнорируйте, если вам угодно.

Овидайя покачал головой:

– Честно говоря, милый генерал, я испытываю примерно то же самое. С тех пор как много месяцев назад я принялся изучать полученный от моего друга Пьера Бейля список мужчин и женщин и некоторые в конце концов оказались здесь, меня что-то тревожит. Прежде я полагал, что подобная нервозность – просто часть моей натуры. Однако, возможно, вы правы и оно является результатом вполне определенного просчета. Я подумаю над этим.

Трухлявые половицы закрипели под чьими-то шагами.

– Если вы хотите сообщить мне о второй своей тревоге до завтрака, то, пожалуй, это ваш последний шанс.

Генерал поглядел на половину граната, которую держал в руке.

– Да. У бейлербеев, турецких генералов, есть поговорка, которую я выучил в плену: «Победоносные воины сначала побеждают, а затем отправляются на войну, в то время как побежденные воины сначала отправляются на войну, а затем пытаются победить».

– Полагаю, тем самым вы хотите сказать, что мы должны как следует подготовиться, прежде чем отправляться в Моху.

– Да.

– Но ведь этим мы и занимаемся уже не первый месяц. Вы проводите эксперименты по транспортировке растений. Графиня шьет костюмы и изучает османские обычаи. Янсен проверяет все морские и сухопутные маршруты, в то время как Жюстель...

– Нет, я не это имею в виду.

– А что же?

– Сколько грабежей предприняли гераклиды в их текущем составе? Во сколько замков мы проникли, сколько стражников обманули и обезоружили? Сколько раз нам удалось уйти

с добычей, потому что мы слепо доверяем друг другу, потому что каждый инстинктивно знает, как будет вести себя другой человек?

– Этот вопрос кажется мне риторическим.

– Однако же он важен.

Услышав шаги, они обернулись. В зал вошел Пьер Жюстель.

Овидайя поглядел на Марсильо.

– Вы имеете в виду, что нам нужно что-то вроде того, что в театральной среде называют генеральной репетицией? Что-то вроде тренировки?

Марсильо кивнул и хотел еще что-то добавить, однако Жюстель опередил его:

– Доброе утро, месье. Могу ли я попросить у вас чашку кофе?

Француз выглядел еще более помятым, нежели генерал. Овидайя задумался, не помешало ли что-то ему уснуть, после того как все они разошлись по своим комнатам, – интерес Жюстеля к графине был очевидным. Взаимен ли он? Он поднялся, взял серебряный сосуд, стоявший на каминной полке, налил из него немного кофе в чашку и протянул Жюстелю. Тот отпил, и брови у него поползли вверх:

– Черт возьми, какой крепкий! И отличный.

– Благодарю, месье, – произнес Марсильо. – Я отдал слугам строгий приказ готовить его в точности так, как готовили во время похода янычары, элитные турецкие солдаты.

– А их способ отличается от здешнего? – поинтересовался Жюстель. – То есть, я хочу сказать, не считая того, что вы здесь, полагаю, не используете воду из Темзы.

– Во-первых, они не хранят его в бочонках, – ответил Марсильо.

– А что вы имеете против доброго кофе из бочонка? – удивился Овидайя.

Марсильо презрительно фыркнул:

– Дорогой друг, подогревание уже сваренного кофе – дурная английская традиция.

– Вряд ли это можно делать иначе. Как и любой разливаемый в общественном месте напиток, кофе подлежит обложению королевским налогом на напитки. А для его исчисления кофе нужно сначала налить в бочонки указанного размера.

– Во Франции такого закона нет, – отозвался Жюстель. – Поэтому, например, в кофейне «Дез Аволь» кофе каждое утро варят свежий и не хранят никогда дольше десяти, максимум двенадцати часов. По моему мнению, это обеспечивает хороший вкус.

Марсильо тоже налил себе чашку.

– Турок поил бы им коней. Каждый напиток заваривают свежим в джезве, стальном кубке вроде этого.

– Сдается мне, это обычная восточная склонность к эффектам, – возразил Жюстель.

– Возможно. Но именно так я и велю его готовить, и только что вы весьма хвалили результат.

Гугенот снова отпил из чашки, шумно прихлебывая.

– Предполагаю, что во время путешествия нам доведется побывать и в турецких кофейнях, не так ли, мистер Челон?

– Полагаю, что так.

Марсильо засопел:

– Мне подойдет любой способ приготовления этого напитка, если я так устал, как сегодня утром. Единственные кофейни, в которые меня даже силой не затащишь, – это венские.

– Почему?

– То, что там делают с кофе, просто омерзительно.

Оба мужчины выжидающе глядели на генерала. По лицу Марсильо Овидайя видел, что болонец радуется возможности с самого утра поделиться своей первой страшной историей.

– Как вам известно, австрийцы – чрезвычайно изнеженный народ. А хуже всего венцы. Они считают кофе слишком горьким напитком, – презрительно фыркнул он, – и поэтому смягчают его по своему вкусу.

– Медом, граф? – поинтересовался Жюстель.

– Нет, они добавляют туда тростниковый сахар. Уже это само по себе достаточно отвратительно. Но кроме того, – и он с ужасом воздел руки к небу, – они вливают в него сливки!

– Нет!

– Клянусь вам!

Все согласились с генералом, что идея эта поистине отвратительна. Покачивав головой, Жюстель устроился в шезлонге и на миг уставился в бездонную черноту своей кофейной чашки, а затем поднял голову и поглядел на Овидаю:

– Скажите, сэр, когда мы встретимся снова? И когда все начнется по-настоящему?

Овидаю поставил чашку на столик и сел напротив Жюстеля.

– Как вам известно, каждому из нас нужно осуществить еще много приготовлений. Что касается вас, то я попрошу в первую очередь использовать связи с вашими собратьями по вере и переправить нашу экипировку в Левант таким образом, чтобы об этом не пронюхали французы. Полагаю, никто не сделает этого лучше гугенота-эмигранта.

Жюстель улыбнулся несколько натянуто.

– Продолжим о канатах. Рисунки, которые я переслал вам, понятны?

– Мне, честно говоря, лишь частично. Но я показал их своему дяде, который заявил, что точно знает, как вяжут такие канаты. Наша канатная мастерская в Спиталфилдсе уже работает над этим.

– Отлично. Я сегодня же вернусь в Лондон, равно как и остальные. Если в ближайшие четыре недели вы не получите от меня иных известий, отправляйтесь в путешествие в Амстердам. Планируйте таким образом, чтобы прибыть туда в начале июня. В «Карпершук», кофейне на Мартеларсграхт, для вас будет оставлено сообщение.

– А потом?

– Поедете дальше, в указанное в сообщении место, которое, это я уже могу сказать вам, тоже находится в Генеральных штатах.

Жюстель допил кофе, посмотрел сначала на Овидаю, затем на Марсилью.

– Если я верно понял ваши слова, получается, что я должен ехать один. Разве не лучше было бы, если бы мы поехали все вместе?

Марсилью покачал головой:

– Лучше по отдельности.

– Вы сами сказали, граф. Беглый гугенот, впавший в немилость к «королю-солнце» генерал, мошенница, пират и фальшивомонетчик – такая пестрая команда, без сомнения, привлечет к себе внимание. Нет, мы отправимся к месту встречи поодиночке. А пока мы еще в Лондоне, каждый будет сам по себе. Только позднее мы будем путешествовать вместе в маскировке, которую подготовит для нас графиня.

При упоминании да Глории молодой человек едва заметно вздрогнул. Очевидно, он надеялся, что теперь станет видеться с ней регулярно. Придется ему еще немного потерпеть жжение в членах.

– Понимаю, сэр. – Он поднялся. – А теперь прошу меня извинить, я обещал графине сопровождать ее во время утренней прогулки.

Он поклонился и вышел из комнаты. Марсилью улыбнулся Овидае:

– Быстро получилось. Наш Ромео уже весь горит.

– Кто такой Ромео, генерал?

– Ах, всего лишь персонаж бульварного романа. Если как следует подумать об этом, для такого любителя Греции, как Жюстель, больше подошел бы Леандр, не так ли?

– Жюстель – влюбленный Леандр. А наша графиня, в таком случае, – Геро, служительница Афродиты?

– Признайте, что она – леди исключительной красоты.

Услышав, как настоящий граф говорит о графине мнимой, Овидайя уверился, что единственная женщина среди них обзавелась по меньшей мере вторым почитателем. Оставалось лишь надеяться, что это не станет источником проблем. Их и без того достаточно.

* * *

Овидайя проехал Ньюгейт, спрятав руки поглубже в бобровую муфту. Проезжая мимо места, где возводили собор, он на миг остановился и поглядел на огромный недостроенный каркас строения, уходившего в серое лондонское небо. Из-за леденящего холода строительные работы приостановили, и ничто не указывало на то, что скоро они пойдут своим чередом. Мужчина снова тронулся в путь. Под сапогами похрустывала застывшая грязь. Если так пойдет и дальше, главная церковь Лондона никогда не будет закончена. Впрочем, вопрос лишь в том, к несчастью ли это, поскольку, судя по всему, ведущий архитектор Кристофер Рен – тот еще халтурщик. Несколько дней назад Овидайя беседовал в «Гресиане» с одним джентльменом, который видел модель нового собора Святого Павла. Архитектор приказал изготовить ее в прошлом году, и модель была неопишимо уродливой.

«Это просто кощунство: строить Господу нашему настолько отвратительный собор, – сказал его собеседник. Кроме того, – продолжал возмущаться мужчина, – проект напоминает некоторые церкви Рима, то есть это архитектура папистов. Парламент счел так же и заставил Рена внести различные изменения, что еще больше затянуло строительство».

Овидайя дошел до Чипсайда, почти не обращая внимания на множество витрин и ярких вывесок, украшавших торговую улицу, – настолько глубоко он был погружен в размышления. Самым значительным достижением Рена, по личному мнению Овидайи, было не строительство нового, а снос старого собора. Архитектор разработал для этого совершенно новую взрывчатку и в считанные секунды превратил главную церковь города в кучу легко перевозимых обломков. Среди ученых на протяжении многих недель шли ожесточенные споры о том, как такое массивное строение можно было полностью уничтожить с помощью нескольких просверленных дырок и небольшого количества черного порошка. Предполагалось, что для этого требуются очень точные расчеты.

То, что теперь Рен топтался на месте, не слишком удивляло ученого. Построить собор – задача необычайно сложная. Кроме строительных материалов и денег, нужны в первую очередь подходящие рабочие: ремесленники, подрывники, стеклодувы и каменщики, которым придется работать вместе на огромной строительной площадке, подчиняясь неслышному ритму. Овидайя невольно вспомнил собственный проект. «У Кристофера Рена, – подумал он, – уже хотя бы есть незаконченная постройка. А у меня только химеры и пестрая группа авантюристов».

Дойдя до Корнхилла, он остановился у лотка с каштанами и дал продавцу полпенни. За это он получил большой пакет засахаренных каштанов. Положив в рот один из них, он вспомнил слова Марсильо: «У меня такое чувство, что не хватает еще одного важного таланта».

Иногда старый солдат действовал ему на нервы со своими пространственными речами и показной ученостью, однако сейчас Овидайя чувствовал, что Марсильо прав. Среди них выходец из Болоньи был не только самым старшим и опытным человеком, он был единственным, кто когда-либо решался на что-то подобное. Многие истории генерала казались Овидайе выдумкой, однако он не сомневался, что этот человек уже проникал в крепости или

получал продовольствие за линией фронта. Больше никто из их отряда не мог сказать о себе то же самое.

Он побрел дальше, в сторону Лиденхолла, бросая в рот засахаренные каштаны, пока не заболели челюсти. При этом, размышлял он, весьма маловероятно, что им не хватает важного таланта. Он на протяжении многих недель снова и снова мысленно проигрывал и уточнял свой план, беседовал с экспертами, прочел множество трактатов о кофе, османской системе правления и других вещах. Снова и снова проверял, не нужно ли добавить других людей. И снова и снова приходил к выводу, что те, кого он нанял, достаточно талантливы и опытны, чтобы претворить в жизнь все аспекты кражи по отдельности...

На углу Лайм-стрит на глаза ему попался хорошо одетый джентльмен. На нем был охотничий костюм из тончайшей оленьей кожи с серебряной окантовкой и совершенно потрясающая шляпа французского покроя, на которой были закреплены три синих страусиных пера. Два гораздо менее хорошо одетых мужчины в щегольских костюмах из третьих, а то и четвертых рук пресмыкались и приплясывали перед ним. У одного из них в руках была деревянная дощечка, на которой на черной бархатной подложке лежали дюжины карманных часов. Даже с такого расстояния Овидайка прекрасно видел, что это реплики. Их отливали из свинца, затем рисовали на них циферблат и прикрепляли стрелки. Эти штуки показывали время примерно с той же точностью, что и камни. Хвастуны, которые не могли позволить себе купить настоящие часы, обычно клали подобные имитации в карманы жилетов и каждые несколько минут вытаскивали их, с важным видом поглядывая на стрелки, которые даже в день Страшного суда ни капельки не сдвинулись бы с места.

Никогда в жизни такой элегантный мужчина, как тот человек в костюме, не купит себе ничего подобного, и оба парня тоже должны были это понимать. Овидайка открыл рот, чтобы предупредить джентльмена, однако вместо этого положил туда очередной каштан, продолжая наблюдать за игрой. Воровство в Лондоне было не просто ремеслом. Оно превратилось в искусство и к тому же весьма серьезно основанное на кооперации дело. Оба продавца свинцовых часов были теми, кого в половине мира называют *stalls*, то есть участниками грабежа, стоявшими на стреме. Их задачей было привлекать к себе внимание кролика, то есть жертвы. И, судя по всему, у них получилось. Мужчина со страусиными перьями на шляпе сердито ругался на них по-французски, крича, чтобы они убирались к черту.

Таким образом, сцена была готова для нанесения удара. Его выполнял самый важный человек, который, собственно, и осуществлял кражу таким образом, что жертва практически ничего не замечала. Прошло некоторое время, прежде чем Овидайка сумел найти его. Увидел он его только тогда, когда мужчина отошел от джентльмена и чуть не столкнулся при этом со служанкой, которая торопливо шла по улице в противоположную сторону. Это едва не случившееся столкновение, конечно же, было частью инсценировки. В тот момент, когда вор едва не соприкасался с хватом, как называли третьего участника операции, он передавал украденный кошелек. И не успел Овидайка раскусить следующий каштан, как служанка уже передала украденное следующему хвату.

Вор, который совершил кражу, тем временем исчез в толпе. Теперь оба продавца часов вдруг легко позволили прогнать себя и исчезли несколько секунд спустя. Француз выпятил подбородок, крепче сжал шпагу и возмущенно пошел прочь. Скоро он будет возмущен еще больше. Покачивая головой, Овидайка пошел дальше, снова размышляя над проблемой, которая немного напоминала задачу, стоявшую перед ворами. Только при условии совместной работы остальных участников вор мог...

Пакетик выпал у него из рук, упал на землю и разорвался. Каштаны покатались по грязной улице.

Вор. Кто их вор? Задача была настолько простой, однако ни он, ни Марсильо и уж точно никто из остальных не увидел леса за деревьями. А ведь на самом деле все было просто: им

предстоит отправиться в самую могущественную империю мира и украсть там нечто ценное. Для этого нужно много всего, однако самое главное – нужен вор, вор-мастер. Рассмеявшись, Овидайя побежал по улице, не обращая внимания на удивленные взгляды прохожих. Теперь он знал, что ищет. Оставалось лишь выяснить, кто самый лучший вор в мире.

* * *

Прошло некоторое время, прежде чем он сумел найти свободного извозчика. Когда он забрался в карету, возница обернулся к нему и поинтересовался:

- Куда желаете, сэр?
- Дворец Уайтхолл.
- К воротам Холбейн?
- Нет. Вам знаком небольшой вход чуть восточнее?
- Вы имеете в виду тот, что выше Скотленд-Ярда, полагаю?
- Да. Отвезите меня туда.

Возница хрюкнул утвердительно и щелкнул плетью. В темпе, показавшемся Овидайе слишком неторопливым, они покатали с Чипсайда на запад. Хотя реальной причины для спешки не было, усидеть на месте было тяжело. Овидайя беспокойно ерзал на мягком сиденье экипажа, снова и снова глядя в окно на напряженное движение. В какой-то момент впереди наконец показалась огромная королевская резиденция. Бросалось в глаза, что стены и ворота патрулирует большое количество солдат гвардии.

Во времена Карла II Уайтхолл тоже хорошо охранялся. Однако с тех пор, как во дворце поселился Яков II, открыто исповедовавший католицизм, предписания по безопасности стали еще более строгими. Новому королю повсюду мерещились враги, исступленные англиканцы и кальвинисты, которые только и ждут, чтобы взять штурмом Уайтхолл и вонзить ему, Богом проклятому паписту, узурпировавшему трон, кинжал между ребер, а затем насадить его голову на шестиметровую пику и поставить на ступеньках дворца неподалеку от Темзы – конечно же, не преминув предварительно окунуть королевскую голову в тмин и соленую воду, чтобы чайки не сразу разрушили все великолепие. Овидайя полагал, что так или примерно так и представлял себе ситуацию Яков. А еще он считал, что король совершенно прав в своих опасениях.

Экипаж проехал вдоль высокой дворцовой стены и остановился у маленькой не приметной двери, которой обычно пользовались поставщики. Овидайя вышел из повозки, расплатился с кучером и побежал к двери. Один из стражников недоверчиво поглядел на него.

– Что вам угодно, сэр?

– Мне бы хотелось попасть к Джону Гиббонсу. – И чуть тише добавил: – По делу о расследовании неких преступлений, жертвой которых я стал.

Вынув из кармана сюртука визитную карточку, он протянул ее стражнику. Тот кивнул, крикнул что-то второму гвардейцу и скрылся.

Официально Джон Гиббонс числился главным привратником Уайтхолла. На эту должность он попал благодаря своим связям с секретарем покойного Карла II и выплате довольно значительной суммы. Кроме того, все знали, что Гиббонс ловит воров. Только проведя продолжительное время в Амстердаме, Овидайя решил, что эта исключительно английская профессия кажется несколько странной. Если у одного из граждан Генеральных штатов что-то терялось или было украдено, он мог пойти к общественному приставу и подать заявление, после чего открывали дело. В Париже тоже – об этом он недавно читал в «Газетт де Франс» – с недавних пор наряду с Королевской службой маршалов существовала организация под названием «Ла Полис», которая занималась раскрытием преступлений. В Лондоне все это было не известно. Человеку, которого обокрали, просто не повезло, и ему предстояло

решить, наймет ли он охранника – или охотника на воров, который вернет ему его вещи. О Гиббонсе говорили, что он лучший охотник в городе. У него были отличные связи с нижним миром. Поговаривали, будто эти связи слишком хороши для настоящего джентльмена. Что будто бы многие из тех преступлений, которые Гиббонс так эффектно раскрыл, были им же и инсценированы. Может быть, на него наговаривали, а может быть, и нет. Овидае было безразлично. От Гиббонса ему нужна была информация, а не украденный товар.

Прошло минут десять, гвардеец вернулся и жестом велел Овидае следовать за ним. Оказавшись за воротами, они пересекли Скотленд-Ярд в сторону Темзы. Солдат провел его к окрашенной зеленым двери, находившейся во фронтоне здания справа от них. Едва они подошли, как дверь открылась и на улицу вышел мужчина лет сорока. Он напоминал крысу, одетую в сюртук. Маленькие жадные глазки осмотрели Овидаю с головы до ног, и он тут же почувствовал себя виноватым.

– Я имею честь говорить с мистером Гиббонсом?

– Ваш покорный слуга, сэр. Прошу, входите.

Гиббонс провел его в уютный теплый кабинет, из которого был виден весь двор. Указав Овидае на мягкое кресло, он даже предложил ему стаканчик дымящегося гипокраса, «от холода в костях», как он выразился. Столь изысканная вежливость по отношению к незнакомцу должна была бы насторожить, однако Овидае предположил, что причиной гостеприимства Гиббонса стал его новый костюм: он стоил шесть гиней, и выглядел он в нем более зажиточным, чем был на самом деле.

Гиббонс устроился за своим письменным столом и произнес:

– Как я слышал, у вас что-то было украдено, сэр.

– Что ж, это не совсем так. Я хотел бы воспользоваться вашими услугами как охотника на воров, однако не для того, чтобы что-то вернуть.

– Ага. Что ж, в отличие от некоторых коллег, я строго соблюдаю закон и...

– Вы меня не так поняли, сэр. От вас мне нужна лишь информация. За подобающую плату, разумеется.

Слова «плата» и «подобаяющая», казалось, успокоили Гиббонса.

– И что же именно вы хотите знать?

– Меня интересуют мастера-воры.

– То есть фоины.

– Да, но не из тех, которые вытаскивают из карманов кошельки у богатых франтов на Чипсайде.

Гиббонс оскалил острые, как у настоящей крысы, зубы и свел брови на переносице.

– То есть вас интересует крупный калибр? Люди вроде Томаса Блуда?

Блуд был легендой, с тех пор как несколько лет назад стал первым и единственным вором в истории, которому удалось украсть драгоценности короны из Тауэра. Над планом этого мерзкого или героического деяния – тут мнения расходились – Блуд работал несколько месяцев. Несмотря на то что его поймали, этому парню удалось так впечатлить короля, что он не только помиловал его, но еще и возвел в дворянское сословие.

– Да, примерно о такого рода воре я думал. Чем, кстати, Блуд сейчас занимается?

– Ничем. Он мертв.

– Не могли бы вы назвать мне настолько же талантливых людей, как он?

– Большинство действуют скрытно и не хотят, чтобы имена их упоминались. Кроме того, не все они... доступны, если вы понимаете, что я имею в виду.

Овидае поглядел на Гиббонса с наигранным выражением непонимания на лице, после чего тот насмешливо улыбнулся:

– Возможно, ваш интерес чисто академический. Возможно, вы намереваетесь написать трактат о мастерах-ворах. Однако гораздо вероятнее, что вы собираетесь нанять одного из

этих людей. О каком надувательстве идет речь в этом случае, я даже знать не хочу. Но пока нужные бродяги сидят за решеткой, никакого проку вам от них не будет.

– Я готов заплатить и за тех, и за других, сэр, и за свободных, и за находящихся за решеткой. Главное, чтобы это были люди выдающегося таланта, если можно так сказать. Просто назовите мне лучших из тех, кого знаете.

– В Лондоне?

– В Англии и на континенте.

– Понимаю. Вы могли бы добавить кое-что еще, на чем должен специализироваться ваш мастер-преступник?

– Специализироваться?

– Кража, вымогательство, грабеж, похищение, убийство, – произнес Гиббонс совершенно беспристрастным голосом, словно перечисляя сорта эля. – Что он должен уметь?

Овидайя на миг задумался.

– Украсть что-то, что находится на хорошо охраняемой территории – с множеством охранников и стен между ним и... предметом.

– Вот как. Что ж, есть один... человек. Впрочем, это вам мало поможет.

Постепенно Овидайя начинал терять терпение. Он вынул из внутреннего кармана две гинеи, которые были зашиты под воротником, и положил их на стол.

– Говорите же. Дело не терпит отлагательств.

– Его зовут Луи, и он – граф Вермандуа. Среди экспертов его считают, пожалуй, лучшим вором в мире. Он очень хитер и ловок.

– Принадлежит к высшему дворянству Франции? Я-то полагал, они обкрадывают только собственный народ.

– Говорят, он крадет от скуки.

– И что же стало его величайшим трофеем на данный момент?

Гиббонс слегка наклонился вперед:

– Он украл нечто ценное у короля.

– Какого короля? Людовика Великого?

– Да.

– И что именно он украл?

– Этого точно никто не знает. Однако, судя по всему, это то, чем его величество очень дорожил.

– Почему я ничего не слышал об этой истории?

Гиббонс поднял взгляд на потолок, затем медленно произнес:

– Не поймите меня превратно, я очень уважаю нашего короля, да хранит его Господь. Но, в отличие от нашей терзаемой всеми Англии, во Франции царят закон и порядок во всем. И если кто-то ворует у короля, об этом не пишут в «Газетт де Франс». Никому не пришло бы в голову написать дерзкий трактат о таком происшествии. А тот, кто станет болтать об этом в кофейне, окажется в Бастилии – ровно до того самого момента, пока палач не наточит свой топор.

Овидайя кивнул. Гиббонс ему не нравился, но дураком назвать его было нельзя. Во Франции, в отличие от Англии, действительно действовала строжайшая цензура, и король мог любого, кто был ему не по нраву, отправить гнить в казематах, сколько ему заблагорассудится, одним *lettre de cachet*²⁸.

²⁸ В абсолютистской Франции приказ о внесудебном аресте того или иного человека в виде письма с королевской печатью. Эти письма были примечательны тем, что в уже подписанных документах оставлялось свободное место, где можно было указать имя и фамилию любого человека.

– Это интересно, мистер Гиббонс. А вы не знаете, где сейчас этот Вермандуа? Жив ли он вообще?

– На этот вопрос сложно ответить.

– Там, откуда появились эти гиней, есть еще.

– Вы неправильно истолковали мое незнание, приняв его за жадность. Я просто не могу сказать вам, где он. А мои связи с Версальским двором, – и он слабо улыбнулся, – вероятно, не лучше ваших.

– Что ж, хорошо. Тем не менее благодарю за помощь.

Овидайдя поднялся, пожал рук Гиббонсу и пересек двор в сторону Темзы. В голове он тем временем прокручивал списки множества корреспондентов и людей, с которыми он поддерживал связь. Кто из них был хорошо знаком с версальскими сплетнями?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.